

Геннадий Карпов

Б-1, Б-2, Б-3

неженский нероман

Геннадий Карпов
Б-1, Б-2, Б-3.
неженский нероман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17192584
ISBN 9785447450236*

Аннотация

Действие романа невероятным образом переносит героя из сегодняшнего дня на четверть века и полвека назад. В те времена, когда были совершены преступления, отголоски которых преследуют человека всю жизнь. Выход только один: покаяться. Но это проще сказать, чем сделать.

Содержание

Не женский не роман	5
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Б-1, Б-2, Б-3
неженский нероман

Геннадий Карпов

© Геннадий Карпов, 2017

ISBN 978-5-4474-5023-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не женский не роман

Повествование о событиях, частично выдуманных автором, в которых действуют герои, некоторые из которых – вымышленные.

*В день своего полувекового юбилея
Всем пятидесятилетним пацанам
Посвящаю.*

*Моя история ограничена рамками моей личности
и вряд ли кому-то пригодится.*

Мураками Х.

* * *

Познакомились мы с ней через интернет. Женщиной она была необыкновенной.

С тех пор, как появился интернет, я вообще не представляю, как можно знакомиться с женщинами по-другому. В последние годы приличные дамы на лавочках перед подъездами не сидят. А с тех пор, как развёлся со второй женой, я вообще не представляю, как можно жить – и не знакомиться с женщинами? В каждом возрасте есть свои плюсы. Когда тебе около сорока и дети выросли, можно позволить себе то, что раньше слышал только от старших товарищей в курилке. Приходя с работы, включаешь ноутбук, и, налив кофе в кружку, начинаешь общаться. Что приятно – такое об-

щение ни к чему не обязывает. С незнакомкой можно поговорить о таком личном, о чём вживую не расскажешь никогда и никому. Просто потому, что вживую мозг работает на другом уровне. Там нет времени обдумать вопросы и ответы. А тут – пришёл с работы. Дома – никого! Твои носки лежат там же, куда ты бросил их три дня назад. В раковине – замоченная после употребления гречневой каши тарелка. Когда же я её замочил? Раньше, чем бросил под батарею носки? Или позже? Никто твою тарелку за тебя не помыл – и это, конечно, минус, но никто не высказал недовольным тоном за грязную посуду – и это плюс. Победа разведённого мужика над силами природы. И ещё одна победа – общение на сайте знакомств. Впервые туда попав, чувствуешь себя так, словно вошёл в пустой вагон электрички. Сто мест – и все свободны! Хочется везде посидеть, полежать, всё потрогать. Но, приближаясь к пункту своего назначения-, ты начинаешь понимать, что все сиденья – одинаково твёрдые. Редко от какого исходит тепло, а в основном – наоборот: ты их греешь своим мягким местом. Нередки надписи: «Тут был такой-то и тогда-то», застолбившие себе эти места на вечные времена, словно поставив тавро на круп объезженной кобылы. Поцарапанные, несвежие, занозистые лавки, которые время от времени покрываются новым лаком, чтоб выглядеть поприличнее. И вот, ты выходишь на своём полустанке в тьму и холод, а временно бывшие твоими сиденья уезжают в какую-то неизвестную даль, и на них уже раз-

леглись новые мужики, а от тебя в вагоне через пять минут не останется даже запаха.

От первой жены скрывать было почти нечего. Разве что пара девчонок по вызову, пока жил в квартире у родителей, а жена оставалась дома с детьми.

Первая шлюха – это маленький шаг для человечества, но огромный прыжок для примерного семьянина. Заработал немного денег помимо зарплаты, так что семейный бюджет не пострадал. Тем более, что девчонки с Трипперштрассе стоили в те времена за час не дороже трёх литров водки, а два часа с ними проводить – уже не удовольствие, а наказание. Это вроде кареты скорой помощи: больному плохо, и к нему выезжает бригада скорой сексуальной реабилитации. Из лифта выходят и строятся по росту хорошо дрессированные, только что покурившие, плохо причёсанные женщины. Все смотрят в пол или на подружку слева. На клиента – один полусекундный взгляд. Им этого достаточно. И все смеются. Никто не говорит ни слова, но всем смешно! Необыкновенные женщины работают в сфере услуг! Откуда их привёз хмурый сутенёр со шрамом через всю щёку и глазами замороженного судака? Какую юмористическую передачу им показали, прежде чем отвезти к очередному клиенту? Как проверяли на профпригодность? Вообще, женская способность смеяться, если женщин больше, чем одна, меня всегда восхищала и удивляла до глубины.

* * *

Помню случай, когда нас, двух геологов, отправили в совхоз «Восточный» помогать местному населению в тот ответственный момент, когда там планово, но резко, стало прибывать поголовье овец. То есть, в какой-то момент в стадо овец пастухи запускают баранов, и через определённое природой время к этому стаду на месяц прикрепляют пару геологов. «Небось, картошечку-то все тут уважают, когда с сольцой её намять!» – точно подметил Высоцкий. Вот и мы, геологи, помогали работникам совхоза «Восточный» во время окота. Хочешь баранину на новый год по рубль сорок за кило без очереди и талонов? Будь добёр!

Память – вещь забавная. От рыжей дамы с сайта до окота – двадцать семь лет, а всё укладывается в три строки. Мы с Тарантасычем, вторым геологом, ездили помогать пастухам на самую дальнюю кошару. Тарантасыч не пил, не курил, не матерился и не изменял жене. Зато он плавал зимой в Енисее и лазил на кедры за шишками с ловкостью орангутанга. И когда кто-то незнакомый спрашивал: «А почему вы тут кого-то кличете Тарантасычем?», то ему показывали портрет на доске почёта, и тогда незнакомый говорил: «А-а-а, ну тогда поня-а-атно!», хотя объяснить, что же ему стало понятно при виде лысого улыбчивого мужичка без шеи ростом сто шестьдесят и полным ртом железных зубов – он бы вряд ли смог.

С нами в старом «Пазике» каждое утро и каждый вечер туда и оттуда ездили две деревенские девчонки. Одна – так

себе, а другая – ничего так себе. Которая «так себе» занималась выниманием трупиков сдохших после родов ягнят из загонов и сниманием с них шкурки. Овца – она и есть овца. Тупое жвачное. Родила, наступила, задавила, затоптала – и дальше жуёт свою траву. Поэтому трупиков хватало. «Так себе» утром проходила по кошаре, словно доктор по палате, делая осмотр больных. Трупики доставала и складывала у входа, а живых малышей подталкивала к их вечно чавкающим матерям и то и дело кричала:

– Вот твой выблядок! Куда ты его, паскуда тупая, толкаешь! Места тебе мало?

С не переживших свою первую ночь, окоченевших и каких-то деревянных с виду ребятишек сдирали шкурки и отправляли на какой-то кожевенный завод. Трупики закапывали за забором. Меня с Тарантасычем возглавлял зоотехник нашей кошары, которого все за глаза называли Овцебыком. Он был отцом той, что «ничего себе», сожителем матери той, что поскромнее лицом, начальником над своим помощником-хакасом, и вообще главным на площади, сопоставимой с Лихтенштейном. Хакасия – огромная территория, и редкий местный бывает за её пределами. Хакас, помощник Овцебыка, всё больше молчал и занимался с утра тем, что обрезал под корень кухонным ножом хвостики выжившим ягнятам, помогал сдирать шкурки с одеревеневших, а потом что-то сыпал зверям в кормушки и вёл какой-то животноводческо-статистический журнал.

И вот как-то раз Овцебык прикололся:

– Вы как обедать захотите – у Дашки моей мясца возьмите да сварите! Свеженькое! Молоденькое!

И лицо в тот момент у него было такое... ну, обычное лицо. То есть, другого лица у него в принципе не было, и тем, какое было, он пользовался не очень разнообразно.

Овцебыком работать – это не юмористом ваньку валять на корпоративе перед столичными снобами. Тут чтобы прожить, не лицом надо кривляться и ерунду болтать, а тяжело работать изо дня в день от рождения до смерти. Потому и шутки у Овцебыка были тяжёлые, как его жизнь. Он не видел другой жизни. Не слышал других шуток. Возможно, это была его единственная шутка. А, возможно, он и не думал шутить, потому как попытка начать шутить после пятидесяти лет работы овцебыком крайне опасна. Можно спровоцировать недопонимание и прослыть на всю деревню. Ведь никто не станет начинать курить в пятьдесят лет! Так же и шутить. Поэтому, когда Овцебык пошевелил своей нижней челюстью, и вслед за этим я услышал из-под его усов предложение пообедать свежим мясом час назад окоченевшей овечки, то не засмеялся, а задумался. В такие моменты негр в голливудском боевике говорит: «Дай подумать!», а главный герой любого из романов Мураками закуривает дешёвую сигарету от дорогой зажигалки, после чего следует подробное описание клубов дыма, устремляющихся под потолок кафе в районе Сайонара. Мне не так повезло по жизни: я не курил, а как

уже сказано выше, живую умею общаться не так красиво, как в чате. А поскольку в те времена в Хакасии ещё были овцы, но ещё не было чата, то красиво общаться мне только предстояло научиться. Я просто замолчал, уставившись на стол. На столе, за которым обедал Овцебык, стояла открытая банка тушёной свинины и кастрюля варёной картошки. Порезанный крупными неровными кусками лежал свежий белый хлеб. За столом сидели его дочь с подружкой, которая, возможно, тоже была его дочь. Деревня – дело тёмное. Сам стол находился в отдельном от овец помещении, что, вообще то, мало спасало от вони. Мы с Тарантасычем только что привезли в кошару полные сани сена, раструсили его по загонам, подновляя подстилку блеющим животным, накачали воды в водопойку, устали и проголодались, и вдруг нам радушно предложили сожрать любой труп на выбор. Но мы с напарником не успели даже переглянуться. Возможно, переглянувшись, мы бы поняли, что нам довелось увидеть явление природы, по редкости сопоставимое с полным солнечным затмением, и мы бы, толкнув друг друга в бок, усмехнулись и даже, возможно, через какое-то время я бы придумал остроумный ответ. Хотя, прошло четверть века, а ничего остроумного на предложение сожрать окоченевшую овцу мне в голову так и не приходит. Но тут дочь остряка выпучила глаза, выскочила из-за стола, закрыла рот ладонью и опрометью бросилась из-за стола.

«Й-ы-ы-э-э-э». Вот так, без восклицательного знака в кон-

це она блеванула свежесъеденной картошкой точно в промежуток между мной и Тарантасычем и, зацепив нас нижними габаритами, ринулась на улицу. «И-ы-э-э» повторилось ещё трижды.

В тот день я не обедал, а когда вечером за нами пришёл «Пазик» и повёз в совхоз ночевать, подружки всю дорогу хохотали. Помнится, Тарантасыч минут через пятнадцать их непрерывного хохота сказал мне с отеческой заботой в голосе:

– Седушку бы под ними пощупать! Промокла подишты нАсквозь!

Ещё минут через десять водитель заявил, что если эта хуйня за его спиной не прекратится, то девки пойдут домой по степи ногами. Тишина стояла ровно три секунды. Потом та, которая «так себе», поглядела на ту, которая на тот момент была уже «ни то ни сё» – и истерика продолжилась до того момента, пока автобус не остановился около нашей общаги. Необыкновенные существа – девчонки!

* * *

Моя очередная знакомая не смеялась вообще. Даже на сайте знакомств на её страничке всё выглядело предельно конкретно. В графе «Времяпровождение» – лаконичная запись: «Отдых». В графе «Хобби» – «Фотоаппарат «Canon 600D + объектив 50\1,8 фикс (продам только объектив)». Я ещё раз перепроверил. Всё верно: в графе хобби – запись о продаже объектива!

Когда познакомишься с новой дамой на таком сайте, то, в принципе, можно вести себя как поручик Ржевский на балу у Наташи Ростовской. Мол: «Какие у вас замечательные туфли, мадам! Может, поебёмся?» Потому что, выставив тут мордашку на показ, да ещё ответив на первое же твоё незатейливое: «Отлично выглядишь!», дама ясно даёт понять, что шуба у неё есть, в Турции была, голова не болит, а вот в личной жизни – провал за провалом. Или вообще один сплошной провал. В молодости лишь промоина с годами превратилась в овраг, разрушив сначала главный мост, а потом и все объездные дороги. И если когда-то казалось, что от счастья её отделяет расстояние в два плевка и можно оказаться на том краю, прыгнув даже без разбега, то теперь край пропасти слабо виднелся в дымке, застилающей горизонт. Уже все ногти ободрала, колени сбила, а вылезти, преодолеть, перелететь пока не удалось. И с каждым разом прыти меньше, и уже не до прогулок при Луне, и когда-то хотелось, чтобы был красавец на «Джипе», а потом уже сойдёт и лысенький, и без «Джипа», да лишь бы не пил, а потом – лишь бы много этой дряни не пил, да лишь бы из дома не нёс. И планка опускается всё ниже и ниже, до уровня личной самооценки, ну может ещё на сантиметрик, на миллиметрик, после чего тратиться на косметику и покупать себе дорогое бельё становится бессмысленно. По инерции, конечно, можно ещё сесть на диету, побегать по утрам, сходить к парикмахеру и каждый вечер твердить мантру о том, что надежда не уми-

рает. Можно, конечно, рублей за сто попробовать поднять анкету. Потом за полтинник обвести её жирной кружевной рамкой и, подавив самолюбие, можно даже сказать – втоп-тав в грязь девичью гордость! – указать желаемый возраст партнёра только «От», не указывая конкретную цифру в графе «До», но только лишь с тем, чтобы убедиться: картошку осенью вновь придётся копать вдвоём с мамой. И что самое страшное – ходить на даче в резиновых сапогах и телогрейке становится всё удобнее, вместо диско начинаешь прислушиваться к старинному русскому романсу, и на какой полке валяются туфли на шпильках – сразу и не вспомнишь.

Эти персонажи настолько одинаковы и многочисленны, желания их настолько прозрачны, записи на личных страницах так убийственно скучны и бесперспективны, что твоё мужское желание уже неотличимо от желания помочь каждой хоть чем-то, а иногда сменяется брезгливостью. «Подарю любовь и счастье!» «Мечтаю встретить половинку!» «Любите меня такой, какая я есть! Тогда получите то, о чём мечтали!» «Надеюсь встретить того, кто сможет оценить богатство души!» «Сохранила капельку тепла для того, кто способен полюбить!»

В такие моменты смотришь на носки под батареей, на дорожку, протоптанную в пыли от дивана до холодильника и туалета, выпиваешь из горла бутылку холодного пива, и накатывает иногда тоска, а иногда такое, что после прочтения твоего откровенного мнения на тему счастья, любви и поло-

винки тебя загоняют в чёрный список и жалуются модератору. Хотя находятся и такие, которые переводят пошлости в шутки и начинают выпытывать подробности о твоих квадратных метрах, лошадиных силах и рублях, делая вид, словно мой выпад про то, что половинки бывают только у жопы, не читали. А злость на себя и на них всё сильнее, и выливается в горло второе пиво, и пошла писать губерния уже на исконно русском. И ни в чём не повинная по крайней мере передо мной тётка на том конце провода с горечью понимает, что и этот сайт – не решение её жизненных проблем, а все мужики – точно негодяи! Ведь не зря подруга предостерегала выставлять тут то старое фото в купальнике! Да, она знала, что немного не модель, или что двое детей для не растратившей любовь женщины – многовато, но не думала, что всё так плохо. Ведь она целый месяц сидела на кефире с огурцами, прежде чем упасть на турецком берегу и заплатить за дурацкую фотосессию целых десять баксов! Лучше бы ела свою любимую пиццу! Все мучения напрасны, её достоинства вновь не оценили.

Поэтому запись о продаже объектива вселяла надежду на что-то новенькое.

* * *

Переписка наша была короткой, словно бой на рапирах, и заставила поулыбаться в предчувствии.

– У меня тоже есть фотоаппарат. Тоже «Canon». Недавно купил. Почём отдаёшь объектив?

– Приходи к памятнику Матросова завтра в шесть! Номер телефона – такой-то. Кидай свой!

Я кинул ей свой номер и внимательно всмотрелся в мутное фото. Снято явно не на «Сапоп». Что-то рыжее на фоне чего-то синего. «Сапоп» так не снимает даже без объектива. Про «Сапоп-ы» на тот момент я знал если не всё, то очень много.

Назавтра в шесть я стоял у памятника герою. Оознавательный знак в виде фотоаппарата висел у меня на плече. Ничего рыжего в поле зрения не попадалось. В шесть двадцать пять, когда я уже собрался уходить, брякнула эсэмэска: «Подходи к „Пикре“. Я тут гуляю с собакой».

Шесть остановок до пивзавода я проехал на автобусе. На улице стоял июль, асфальт медленно плавился, по небу уже неделю ползали опасные тучи, где-то далеко погромыхивало, но вместо дождя стояла стопроцентная влажность. Народ обливался потом, стоял в очередях за квасом и мороженым и ходил в минимальном количестве одежды. Внутри меня тоже собиралась буря и проскальзывали молнии. Ещё из автобуса я увидел, как сидящая на газоне рядом с табличкой «Не ходить! Посажено!» здоровенная деваха с кипой рыжих волос до поясницы кидает мячик, а какая-то пятнистая обезьяна прыгает за ним в высокую траву. Это была она. Я сразу окрестил её как Б-52. От американского бомбардировщика она отличалась лишь тем, что у неё звёздно-полосатый флаг был на животе, а не на хвосте. Белой резинкой за-

бренные ярко-рыжие волосы издалека можно было принять за хвост любимой кобылы маршала Будённого.

Вообще, у меня есть привычка присваивать знакомым женщинам цифры. Первая жена отпечаталась в моей памяти как Б-3, вторая – как Б-9. Потом в цифрах я запутался и стал вводить буквы. Не только Б, то есть – бывшая, а какие на ум приходили. И вместо номеров по порядку тоже стал лепить любые. И пришёл к выводу, что за двадцать подбитых баб надо присваивать звание героя и бесплатно возить на трамвае. Дело это тяжёлое, опасное и, видимо, безнадежное: оружие у тебя одно, калибр – не ахти какой, времени на перезарядку с годами требуется всё больше, а враги только прибывают.

Б-52 сидела на одеяле, расстеленном на траве. Рядом лежали сумочка и фотоаппарат.

– Привет! – сообщил я ей. – Я – Гена. Как оно в целом?

Не глядя на меня, она вновь и вновь кидала собаке мячик, а та, как заведённая, раз за разом притаскивала его обратно, выискивая в пыльной траве околзаводского скверика.

– Хорошо! – через три броска ответила она.

Потом глянула на мои сандалии. От них её взгляд недобро проскользил вверх по шортам и майке и остановился на тёмных очках.

– Хорошо – это твоё имя? – без эмоций в голосе спросил я.

– Ты на сайте был? Читал? Очки бы хоть снял для приличия!

Она отвернулась, тяжело вздохнула, покачала рыжей копной и не очень тихо произнесла:

– Кошмар какой-то!

После её «кошмара» шавка внезапно выплюнула мячик, недружелюбно посмотрела на меня своими глазками-бусинками и зарычала. Рыжая удивлённо посмотрела на своё сокровище, потом вновь перевела взгляд на мои сандалии и процедила со сталью в голосе:

– Впервые вижу, чтобы моя Маргоша рычала на кого-нибудь. Видимо, ты плохой человек!

Бури и молнии внутри меня грозили пробиться наружу. От того, чтобы тут же не попрощаться, меня сдерживало два обстоятельства: во-первых, дома делать совершенно нечего. С живыми людьми я долго не общался, а любое общение, даже с палачом на эшафоте – это шаг в развитии. Моё развитие остановилось два месяца назад, когда я среди ночи собрал сумку и ушёл от К-2.

* * *

Наш роман с К-2 продолжался ровно сутки. Женщиной она оказалась совершенно необыкновенной. Она была эсперантистка. Познакомились, назначили встречу как в кино: под часами. Потом сходили на первомайскую демонстрацию, покричали «Мир, труд, секс». Посмеялись, выпили, поговорили. Потом – в парк, потом – в кафе, потом поехали к ней домой и долго смотрели кино. Кино она зарядила какое-то многосерийное, про своих коллег-эсперантистов вре-

мён гражданской войны, и когда оно кончилось, то автобусы уже не ходили, а про такси мы, словно сговорившись, даже не вспомнили.

– Ну, раз автобусы уже не ходят – ночью у тебя! – нагло заявил я.

– Ну, раз уж всё так внезапно случилось – ночуй! – горько вздохнула она.

У неё оказалась прилично волосатая вокруг сосков грудь, что меня крайне озадачило, так как раздевал я её в темноте и сначала на ощупь не понял юмора. Внизу живота тоже волос оказалось столько, что можно было сдавать в театр на парик для Мери Попинс. Плюс, а вернее – минус – в её однокомнатной квартирке из мебели насчитывались только небольшой стол, узенькая продавленная койка, комод, крохотная плитка с одной конфоркой и радио. На стене в красном углу – чёрно-белый портрет основателя эсперанто Людвига Заменгофа в рамке под стеклом. Стопка зеленоватых журналов на тарабарском языке: вроде все буквы знакомые, а смысла – никакого! Не было даже телевизора, поэтому фильм пришлось смотреть на моём ноутбуке, который я предусмотрительно прихватил на свиданку. Бедный старый «Асер»! Где он только ни был и свидетелем чего только ни оказывался!

Она сказала, что все заработанные оптовой продажей пуговиц и другой фурнитуры деньги тратит на взносы в клуб эсперанто и поездки за границу к знакомым эсперантистам

по обмену опытом. Эсперантисты – это, как она пояснила, государство без границ, так что, предварительно списавшись, приезжают в какую-нибудь Норвегию или Италию и живут не в гостиницах, а в квартирах братьев по языку. Я сразу попросил принять меня в члены, но получил категорический отказ: в эсперантисты вступить нынче оказалось сложнее, чем в ВКПб перед войной. Организация эта – закрытая, и кого попало (Она подчеркнула это: кого попало!) туда не возьмут. Ей постоянно звонили, но она либо не брала трубку, либо односложно отвечала: «Я занята, перезвоните позже!» – и быстро давала отбой. Сколько она получила за один день эсэмэсок – я сбился со счёта.

Интересоваться у подруги – кто и с какой целью ей пишет и звонит? – лично я считаю бессмысленной тратой времени и нервов. Если захочет обмануть – обманет всё едино! В этом я окончательно убедился, когда Н-1, сидя на мне верхом, растрёпанная и уже дважды довольная, на удивление спокойным голосом просила подозрительного мужа не звонить ей каждые десять минут, а то она не успевает конспектировать лекцию по психологии. Все мои подруги в женатом и полуженатом прошлом были забиты в мобильный телефон как разные Толики, Пети, Экспресс-такси и чисто для прикола – Банк Народного Доверия, что до поры до времени помогало водить вторую жену и подружек за носы, но не спасало в итоге от развода или разрыва. Муж, подозревающий жену в измене, не более чем смешон и годится лишь в персо-

нажи средневековой площадной пьесы в стиле «Ночей Декамерона». Жить с человеком можно только в случае стопроцентного доверия. Не бывает доверия на девяносто пять или пятьдесят процентов. Оно или есть – и тогда это семья, или его нет, и тогда это пародия на семью, и путь такой паре – снова в ЗАГС, но уже не в пятницу, а во вторник.

Но морально доконал меня в ту ночь её кот. Оказалось, что своего кота К-2 назвала Валентином в честь любимого мужчины, который не так давно его ей подарил, а сам уехал в Боснию обмениваться опытом к одной тамошней эсперантистке, и пропал. Говорят, обмен прошёл успешно, он жив и счастлив. А раз мужчина бросил женщину и счастлив, то это – непорядок, и брошенный организм требует замести на нём следы мерзавца. Роль дворника отводилась мне. Так что Валентин как таковой у моей К-2 есть, но некоторые важные детали после посещения ветеринара отсутствуют. Выпив немного лишнего, она долго рассказывала мне про того, кого не в силах забыть, и что в её планах на ближайший отпуск – поездка в Боснию в качестве снега на голову. Выпив после явно лишнего ещё граммов сто, она по секрету сообщила, что в её мыслях – только он и та, из-за которой она готова возненавидеть Боснию, эсперанто и самого Заменгофа. Каждую ночь мысленно она разбивает им головы молотком, трубы сжигает в машине, а потом сама кидается с обрыва. Рассказывала она без слёз и истерики, с отрешённым видом приговорённого к казни. Лишь язык слегка заплетался. Описыва-

вая кровавые подробности, она играла желваками и непроизвольно делала соответствующие рассказу движения руками, и мне хотелось отодвинуться подальше, но не позволяла ширина кровати. Через каждые полчаса она отвлекалась от темы, внимательно смотрела мне в глаза, трясла головой, наливала в рюмки коньяк и на закуску впивалась мне в губы.

– Возьми меня! – то ли просила, то ли приказывала она.

Поняв ситуацию, решив, что шансов одолеть вислоухого кота у меня мало, а друга – эсперантиста – вообще нет, ощутив себя тут пожизненно третьим номером, да ещё и соучастником двойного убийства, осуществлённого с особой жестокостью, я дождался, пока моя лохматая отправилась в очередной раз в ванну смывать с себя следы то ли мои, то ли его, оделся, быстренько допил из горла остатки второй бутылки коньяка «Дербент», пнул кота, захлопнул за собой дверь, сел в такси и через полчаса уже спал дома. Точно помню одно: коньяк был настоящий. С тех пор такого я уже не пил. Пошла сплошная подделка из технического спирта и луковой шелухи, и я перешёл на пиво.

* * *

Исходя из вышесказанного, мой мозг требовал поговорить с новым человеком. Хотя бы поговорить! Общась с разными «Ягодками», «Кисками», «Лапками» и другими обитателями паноптикума одиноких кроватей, учишься с одного взгляда просекать ситуацию и выбирать линию поведения. Об искусстве общения, обольщения и просто разговора

написаны сотни книг, но понимание сути проблемы приходит только с опытом, который, как известно, сын очень трудных ошибок, множества конфузов и пары синяков. С одного взгляда нужно понять – кто перед тобой, чего от тебя хотят и какое последует продолжение. Стоит тратить на божью тварь время и деньги или достаточно просто взять по пиву и по шашлыку, поговорить о столь важных вещах, как погода и нравы нынешней молодёжи, пожелать удачи и забыть как страшный сон? Выходя из автобуса, я, конечно, не знал наверняка – кто передо мной и что от меня хотят, но что за этим не последует романтическая линия – уже было понятно. При взгляде на такой объект не шевелится нигде и ничего, и сразу представляешь её за завтраком на кухне в своей гостинке, видишь себя, не позавтракавшего, убегающего на работу, как на праздник. Всё-таки для меня в женщине первична внешность. А у рыжей я сразу увидел не внешность, а габариты, эту самую внешность затмевающие.

Во-вторых, и это главное, мне хотелось примерить объектив. На моём фотоаппарате стоял объектив совершенно другой конструкции, с переменным фокусом и маленькой светосилой. Я давно планировал покупку новой стекляшки (Купил фотоаппарат – готовь деньги!), и конечно, прежде чем тратить пятнадцать штук, стоило поюзать похожую вещь. Поэтому я остался стоять на месте, хотя очков не снял и уже задушил собачку и прибил рыжий скальп над своим вигвамом. Уловив нелюбовь собаки, во мне вновь всплыла

та трагическая история. Если бы не собака – я бы, возможно, не убил человека и жил бы сейчас совсем не так, как живу. Странная, жестокая, длинная история.

Маленькая насекомая сучка тридцати сантиметров в холке если подпрыгнет, какой-то лысой разновидности, вся в мыле, с завидным азартом в очередной раз сбегала за мячиком и села перед хозяйкой, тяжело дыша. Её язык свисал из слюнявой пасти в половину её роста. На меня она больше не рычала и вообще вела себя так, словно на планете существовали только она, мячик и шесть пудов живого веса, замotanного в американский флаг.

– Её зовут Марго, – не поворачиваясь ко мне произнесла рыжая. – Очень умная. Умнее любого мужика. Катышки из пупа жрать не станет! Порода во всём. Она мне обошлась в тридцатник. Тех, кто таких же за штуку на рынке берёт, ждёт глубокое разочарование. Они теряют интерес к мячику уже через десять минут. А эта будет таскать мячик, сколько ни кидай! Рождена чтобы исполнять команды. Мне только такие нравятся. Мы с ней тренируемся каждый день. В четверг ходили на соревнования. Первое место без вопросов. Мешок корма и медаль – как с куста. А ей только год! Ты моя умница!

Она вновь кинула мячик в траву. Марго полетела в заросли и через пять секунд притащила хозяйке обслюнявленную резинку.

У меня в голове разом возникло большое количество во-

просов, но я прокрутил возможные ответы и счёл за благо промолчать. Ситуация уже была понятна, забивать эфир ненужными спорами с ненужным человеком смысла я не видел. Одинокая с собакой – это уже диагноз, даже если никогда не читал «Даму с собачкой» Чехова. Женщина – сознательно или нет – выбрала имитацию вместо жизни. Я тут же увидел себя выгуливающим свору сявок с медалями на шеях в пять утра под снегом и дождём. Ей ещё год! Раньше я содхну, чем она! Там – Валентин, тут – Марго. Интересно, в честь кого она – Марго? Булгаковская Маргарита? Маргаритки на лесной поляне? Маргарин кулинарный? Нет, увольте! Перед глазами у меня уже прочно стояла железная тарелка супа с длинными рыжими волосами и катышками из пупа.

– Я в породах собак не очень разбираюсь, но мне кажется, что это не лайка. Она не лает, а рычит. Рычалка? – сделав бровки домиком поинтересовался я. – Представляю, как носят по мячики те, что стоят сотку!

– Пошли, погуляем! – скомандовала вместо ответа рыжая то ли мне, то ли собаке, встала, аккуратно свернула покрывало, на котором сидела и протянула мне свой кофр с надписью «Canon»: – Понеси! У меня сумка и так тяжёлая! Ну, рассказывай! Где работаешь? Где живёшь? У тебя дома ванная есть?

Я повесил на левое плечо второй фотоаппарат, она взяла меня под руку и потащила вдоль по улице. Собачонка бежала ровно у её правой ноги, словно на коротком поводке.

– У меня дома даже туалет есть! – удачно, как мне показалось, пошутил я.

По её лбу прокатился шторм морщинок и отрицательных эмоций.

– Туалет! Меня! Не! Интересует! Я тебя по-русски спросила: ты живёшь один? У тебя ванная есть?

Мы неторопясь шли по тротуару. Вечерело, хотя зной всем давал понять, что и ночью он нас от своего присутствия не избавит. Слева через дорогу тянулось унылое гетто пятиэтажек завода медпрепаратов, справа ярким пятном выделялось здание новой гостиницы. Четыре этажа стекла и разноцветных стен.

– Почти в каждом номере была! – рыжая кивнула головой на гостиницу. – Ты только не подумай про меня ничего плохого! У меня там подруга подрабатывает. Иногда захожу поболтать. Она однажды к негру там пришла. Тот как балду свою вывалил – подруга развернулась – и бежать! Ни за какие деньги не согласилась. У меня, говорит, там места нету столько.

Она замолчала, и метров двести мы прошли, думая каждый о своём. Интересная подробность из жизни незнакомки! С наскока и не поймёшь, чем поинтересоваться: то ли дальнейшим развитием ситуации, то ли количеством места у самого рассказчика? Наконец, я решил, что молчание означает мою очередь поделиться пикантными подробностями или хотя бы по порядку ответить на поставленные вопросы.

– Ванная у меня есть. Сто семьдесят сантиметров длиной. Глубину точно не скажу. Примерно вот по сюда, – я чиркнул пальцем по ноге немного ниже шорт, – живу один. Гостинка. Большая. Почти сорок метров. Санузел совмещённый. На полу преимущественно кафель. Хата внутри без стен. Типа студия. Два окна. Первый этаж, но высоко. Ты – профессиональный фотограф или так, любитель?

Дураку было ясно, что «Canon» 600 – это коробка для лотов, а никакая не профессиональная камера. Его любимая цель – пирамиды Египта и пьяные морды туристов на тайском или турецком пляже. («Это я в Анталье. Это я в Паттае. Или наоборот. Не помню. Кадрики нерезкие получились, зато купальник хорошо видно. Фотик новый купила перед поездкой. А там инструкция длинная какая-то! И кнопок, кнопок! Пока ещё не разобралась»). Тьфу! Изобретатель фотоаппарата застрелился бы, увидев, какие кадры делают его детищем! Щёлкали бы на мобилу!) Я спросил это лишь затем, чтобы упасть в её глазах ещё ниже и, соответственно, расстаться как можно быстрее и безболезненнее. Сразу после того, как сделаю пару кадров с её объективом.

– Ванна сто семьдесят? Студия сорок метров? Уау! У меня тоже гостинка. Восемнадцать метров. Мыться можно, но только стоя. Я так давно не плавала в ванне!

Я понял, что план с самоуничижением не удался. Стрелок стрелял не в ту мишень. Думал прикинуться дурачком, но эта проблема волновала собеседницу, как оказа-

лось, не сильно. Видимо, надо было рассказать про автоматические настройки выдержки и диафрагмы, регулировку вспышки по задней шторке и съёмку в формате «RAW», а потом изобразить горе и поведать, что ванна в коммуналке – это роскошь, и мыться приходится исключительно после того, как вечно пьяный сосед искупает в общей лоханке свою лишаивую болонку. Что ни говори, а разговорный жанр – не самая сильная моя сторона. Интересные идеи безнадёжно запаздывают к речевому информатору. И теперь я пожинал плоды.

Она плотнее взяла меня под руку, сбавила шаг, и очень душевно, или, я бы даже сказал – задушевно, с придыханием, сказала мне прямо в ухо:

– Гена, я обожаю принимать ванну, когда она длиной – сто семьдесят!

Думаю, ляпни я, что у меня дома стоит двухметровая джакузи – она дала бы мне прямо на газоне! Какие воспоминания или несбывшиеся грёзы ассоциировались у неё с большой ванной – не знаю.

Сначала я посмотрел на неё просто внимательно. Потом – с точки зрения мужчины. Ещё раз представил её за завтраком, в ванной, в постели. В постели так. Потом этак. И отбросил эту глупую мысль. Постельный вариант можно было не рассматривать даже в качестве гипотезы. Ростом она была почти с меня, при этом типичной мясомолочной конструкции, с мощной грудью, широкими плечами и кормой,

почти без талии. Возможно, в раннем детстве она пыталась похудеть, но потом пошла в секцию толкания ядра и подала в этом виде спорта большие надежды. Поэтому рядом с ней в постели хорошо бы смотрелся тот негр из гостиницы, но никак не я. Моих тактико-технических характеристик хватило бы только на то, чтобы Б-52 прогрел моторы и приготовился взлететь. Но говорить в лицо женщине «Нет!» нельзя ни при каких обстоятельствах! Об этом можно написать завтра в почту или отправить что-нибудь витиеватое эсэмэской. Мол – будем надеяться на лучшее, а там поглядим, за какую тучу сядет наше солнце и поищем тот зонт, с помощью которого можно всё уладить!

– Да, ванна у меня – хоть на лодке плавай. Сто семьдесят – туда, потом сто семьдесят – обратно. Красота! У тебя есть лодка? Или – не всё сразу? Сначала – фотоаппарат, потом – вёсла, потом – лодка, парус... А почему объектив продавать надумала?

У меня уже начинался процесс бесконтрольного трёпа, неизбежно предшествующий любому расставанию. Детей с ней мне точно не крестить!

– Я уже всё продаю. И фотоаппарат, и объектив. И ноутбук. Скоро куплю новые. Пойдём к фонтану! Марго там попьёт и отдохнёт, а ты нас с ней сфотографируешь!

У фонтана мы нашли свободную скамью. Рыжая несколько раз зачерпнула ладошкой воду из фонтана и дала собаке попить. Потом достала из сумки бутылку минералки и два

стаканчика. Мы тоже глотнули. Я взял её камеру и осмотрел. Ясно, что только вчера из магазина. Установил режим серийной съёмки, дождался, пока Марго рванёт в очередной раз за мячиком и нажал на спуск. Застучал затвор. Пока пёсик перепрыгивал через бордюр, я сделал пять довольно чётких кадров и начал рассматривать их на экране камеры. Качество снимков мне понравилось, хотя объектив на ощупь казался каким-то игрушечным. В нём не хватало солидности. Пластмасса преобладала над металлом, что-то внутри слегка люфтило. Не покидало ощущение одноразовости.

– Я чё-то не поняла! – подала голос рыжая. – Ты же сейчас сделал несколько снимков? Мне в магазине сказали, что затвор фотоаппарата рассчитан на какое-то определённое количество кадров. Кажется на тысячу.

– Тысяч на сто – сто пятьдесят! – поправил я.

– Ты уже вместо одного кадра сделал десять! Ты свой аппарат так же гродишь, или раз не своё, то и не жалко? Нафиг мне столько одинаковых собак?

Она смотрела мне в глаза, чуть сощурившись, словно прицеливаясь. Думаю, после толкания ядра её перевели в секцию вольной борьбы.

– Я просто проверил, как работает аппарат. Вообще, быстро движущиеся объекты обычно так и фотографируют. Потом из пяти кадров выбираешь один, остальные стираешь. Важен не затвор! Важен снимок! Работает всё отлично. Так что объектив я, скорее всего, возьму. Хотя странно: зачем

продавать вещь, если только что её купил?

Я старался говорить спокойно, выбрав самый успокаивающий тон из всех, мне подвластных. Так я разговаривал однажды с младшей дочей, когда ей было годика три, в тот момент, когда её чуть не прищемило дверями автобуса на выходе, и ребёнок решал: заплакать или нет.

Прищур несколько сгладился. Дама просканировала мой череп, отвернулась, кинула в сто первый раз мячик и сказала в сторону:

– Я его не покупала. Я организовала частное предприятие по туристическому сопровождению иностранцев в нашем городе. Мне выдали безналичную ссуду на фотоаппаратуру. Мне вообще-то было по барабану – что покупать. Взяла первое что под руку попало, лишь бы эту сотню обналичить. Теперь надо всё срочно продать, а контору закрыть. Я через неделю на Кипр лечу, бабки нужны до зарезу.

– А разве за такие дела статья не предусмотрена? – удивлённо спросил я, но тут у неё зазвонил телефон.

С кем-то коротко вполголоса поговорив про билеты и визу, она сунула мне в руку свой мобильник:

– Подержи! Пойду в фонтан залезу. Один телефон там уже утонул. Марго! Пойдём питиньки!

Я кинул её телефон в свою барсетку и ещё покрутил объектив. Нет, всё не моё. Женщина не моя. Собака – уж тем более. И даже объектив какой-то ненастоящий. Тем более, что недавно пошла новая линейка с диафрагмой 1,4. Они, чер-

ти серые, пока что дорогие, но что попало хватать – не в моих правилах. Да и выручать такую диво-продавщицу не хотелось уже из вредности.

Смышлёная собачка подскочила к хозяйке. Рыжая нагло перелезла через край, зашла в воду по колено, побрызгала собаке, пару минут помедитировала в прохладной воде под завистливыми взглядами более скромных, умирающих от духоты горожан, потом, нагнав волну, мощно выбралась из фонтана на сушу и приказала:

– Пошли! Марго пора отдыхать, у неё режим. Объектив отдам за пять. Сам аппарат – за двадцать. Раз ты фотографируешь, значит есть кому предложить! Втюхай кому-нибудь за двадцать две, пару штук кинешь себе на карман! Есть ещё ноутбук «Apple». Белый. Тонкий. Брала за семьдесят. Отдаю за полсотни. Я его даже не открывала. Вот мой дом. Надумаешь чего – пиши. Только думай быстрее, я тугодумов не люблю. И про ванну не забудь! Кстати, говорю тебе по секрету: секс на этом сайте у меня был всего один раз. Да! Сними нас вдвоём с Марго!

Я оценил откровенность как попытку комплимента и снял пару банальных кадров дамы с собачкой. Но потом пёсик по команде встал на задние лапки и замер. Ракурс мне показался интересным, и я сделал единственный за вечер приличный снимок: Марго крупным планом стоит на задних лапах перед одной ногой хозяйки, преданно глядя куда-то выше ноги. Второй человеческой ноги не видно. Этакий экс-

тракт собачьей преданности.

Мы расстались перед её подъездом. Дом, что интересно, стоял рядом с тем, в котором обитала К-2. Старые убогие правобережные гостинки, где половина жилья сдаётся в аренду студентам и нерусским, а во второй половине доживает алкашня. Я обещал подумать про покупку всего, что у неё есть, про ванну, и скинуть вечером результат.

Приехав домой, я залез под душ, потом выпил зелёного чаю, нашёл в своих контактах «Рыжая с сайта» и отправил смс: «Внезапно приехала сестра. Заняла ванну и все деньги. Так что пока всё откладывается. Удачно съездить на Кипр!»

В барсетке загремела какая-то пошлятина, и я с удивлением извлёк на свет божий чужой мобильник. Открыл новое сообщение. Прочитал свою смс. Поинтересовался именем отправителя: «Чмо из чата 4». Сразу вспомнилась детская песенка: четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж. Любопытство одолело, и я открыл её «Контакты»: «Чмо» начинались с цифры один и заканчивались цифрой шестнадцать. Я немного не дотянул до бронзы. Четвёртное место – это, конечно, тоже почёт и уважение, но мне почему-то стало не столько смешно, сколько грустно. Ну что за жизнь нынче пошла! Жизнь пошла до предела!

Выкидывать или присваивать чужую мобилу мне показалось неприличным. Я стёр с её телефона свою смс, включил ноутбук и залез в чат. Моя знакомая была уже в эфире. «Ин-

тересно, – подумал я, – со сколькими мужиками разом она в данный момент общается?»

«Твой телефон остался у меня в сумке», – сообщил я ей. «Привези завтра туда же в пять!» – последовал лаконичный ответ. «Кинь мне фото там где собака и твоя нога!» – попросил я. Удивительно, но через пять минут ко мне прилетело именно то, что надо, и я почти час обрабатывал снимок на «Photoshop-е». При этом внимательно изучил ногу, собаку и качество работы объектива, прислушался к внутренним ощущениям и окончательно понял: ничего из того что вижу – не хочу. А при виде собаки опять всплыла в памяти давняя история с огромным псом и литовцем. Хотя казалось бы – ничего общего.

На другой день я встал в десять. Стояло безоблачное воскресное утро. Вчерашние чёрные тучи за ночь куда-то попрятались, но, судя по духоте, сидели в засаде где-то неподалёку. До пяти делать было решительно нечего. Я выпил кофе, включил телевизор и снова завалился на диван. Если какое-то дело начинается не с утра – ничем хорошим закончиться оно не может. Это знал Наполеон, а теперь знаю и я.

Пару раз звонил чужой телефон, но я даже не стал смотреть в его сторону. Всё, что касалось хозяйки этого аппарата, мне уже было категорически неинтересно. Пара смс прилетели и мне. Первая – от банка с напоминанием о сроках погашения кредита. Кредит я платил за фотоаппарат «Canon»-5D, который купил ради P-7. Потому что женщиной она бы-

ла необыкновенной.

* * *

Познакомились мы с ней там же, где и всегда. Настроение в тот вечер у меня было хуже чем обычно. Снова разругался с Т-9, ничего интересного не получилось с Е-1, на дворе начиналась осень, и все отрицательные флюиды Марса обрушились на мою гостинку. Сначала я несколько дней пил. Началось всё как обычно: шашлык на даче у друга, неспешные разговоры о жизни, переходящие в споры о политике. Много мяса и море красного вина. На другой день, чтобы не давил сушняк, берёшь литр лёгкого пива в полной уверенности, что для счастья этого тебе будет вполне достаточно. И за последующие три дня выпиваешь полванны всякой дряни, причём почти без закуски.

После запоя, как обычно, на меня напали жор и хандра о потраченных впустую рублях и днях. На работе тоже всё шло как-то не так, как хотелось бы, и в этот тяжёлый момент я встретил её. Она выставила своё фото за рабочим столом. Сзади – стеллажи с какими-то однотипными папками, на переднем плане на половину кадра – монитор. Снимок явно сделан любителем. Никакого понятия о композиции и освещении. Странное, какое-то пластмассовое лицо не без приятностей. Возраст не указан. Ещё одно её фото в каком-то казённом коридоре с множеством дверей и протёртым линолеумом. Казённый и наряд: чёрный низ, белый верх. Возраст и тут совершенно не определялся. Я закинул стандартное

«Отлично выглядишь!», и только тут разглядел, что она живёт в другом городе в пятистах километрах от меня. Поэтому очень удивился, когда получил в ответ что-то типа «Спасибо. Ты тоже. И не скажешь, что тебе сорок три». Последовала пара дней переписки ни о чём. О погоде, о детях, о работе. Потом она зачем-то поинтересовалась: правда ли слово «Воскресенье» по-японски звучит «Нетуёби»? Я в своё время много читал о Японии, но дни недели изучить как-то не пришлось. Я тут же залез в «Яндекс» и узнал, что все дни по-японски звучат не очень благозвучно: туёби, нетуёби, перёби, недоёби... Сообщил об этом ей и заверил, что знал это всю жизнь, потому что в прошлой жизни был самураем и кончил тем, что в конце пятнадцатого века мне отрубили голову катаной. (Это мне по звёздам и планетам вычислила Т-9, которая была гороскоповым маньяком. Она узнала, что у меня в детстве часто болело горло и доказала как трижды три, что умер я в прошлый раз через усекновение по шее, а в следующей жизни буду кошкой и потрачу всю заработанную нынче карму.) После этого она нарисовала мне кучу смайликов и написала, что со смеху чуть не подавилась орехами. После этого наше общение стало регулярным. Я бросил общаться с тремя другими дамами, с которыми у меня шла вялотекущая переписка. Ни я их особо не заинтересовал, ни они меня. Уже идя домой с работы, я думал, как буду приветствовать свою далёкую, что интересного напишу. Хотя рассказывал в основном я, а она лишь задавала вопро-

сы. Про себя лишь сообщила, что у неё взрослая дочь, живут в своём доме, работает на крупном заводе. Есть машина. Скоро собирается в отпуск. На мой дежурный вопрос – куда-то собираешься съездить или проведёшь его на грядках? – она ответила уклончиво. От такого общения моя хандра только усиливалась. Стало понятно, что женщина – умная, красивая, а значит – повезло опять кому-то, но не мне. Но к Т-9 возвращаться я пока не хотел.

Я и так входил в эту женщину четырежды, и наши отношения стали напоминать плохой сериал. Когда у меня появлялась другая – я её бросал. Потом другая испарялась, и мы снова жили с полгода. Через полгода меня охватывало огромное желание её задушить, а она всё же заваривала мне воскресный кофе, и я сбегал. Находил другую – и вскоре начинал изменять ей с Т-9. В итоге из девяти с лишним лет, что мы друг друга знали, общих у нас насчитывалось года два или чуть больше. Я возвращался к ней, как в надёжную гавань, а она говорила мне, что я – засранец. Я соглашался, и она шла на кухню готовить мой любимый салат из кальмаров с огурцами и сетовала, что я сильно похудел, а она – наоборот.

Но нынче я был увлечён загадочной дамой с юга края, хотя перспектив в развитии отношений не видел. Но тут я купил полотенце! Шёл с работы домой, зашёл в магазин и вдруг узнал в продавщице даму, с которой общался в чате какое-то время назад. Она для меня была не Б, не М, никто вообще,

и живую мы разговаривали впервые. Милая толстушка без комплексов и предрассудков, идеальная жена и мать, от бессмысленной улыбки которой вкупе с болтовнёй по телефону с подружками я бы повесился на пятый день совместной жизни. Поэтому мы поговорили семь минут на ни к чему не обязывающие темы, и она, как истинный продавец, помела с меня всё, что смогла: продала мне огромное махровое красное полотенце с золотистой вышитой пятиконечной звездой посередине. Ни дать ни взять – знамя полка.

Выйдя вечером в эфир, я перебросился парой дежурных слов с далёкой Р-7. Говорить было особо не о чем. Я выпил пива. И чтобы хоть как-то продолжить разговор, написал, что купил полотенце. Она вяло поинтересовалась – зачем да какое? И тут я, никак под воздействием алкоголя, возьми и ляпни: это полотенце я купил тебе! Чтоб было в чём из моей ванны выйти, когда приедешь ко мне в отпуск. Реакция оказалась совершенно непредсказуемой, если не сказать – неадекватной. Что тут началось!

* * *

Я встал с дивана, заварил пачку «Роллтона» и уставился в окно. До пяти оставалась ещё уйма времени. Чем дольше живёшь, тем больше времени проводишь не составляя планы, а предаваясь воспоминаниям. Из моего окна виднелась половина церкви. Когда я заезжал в эту квартиру, церковь была видна целиком, и я порадовался, что хоть первый этаж, а есть какой-никакой вид из окна. Я не то чтобы истинный

христианин, но крещёный и ношу на шее не самый маленький серебряный крест. Дом стоял высоко, окна первого этажа возвышались над тротуаром метра на три – ниже подомной в полуподвале находился какой-то то ли офис то ли склад. Но через два года на свободные прогалины налетели бульдозеры и сваебойки, грузовики привезли бетонные плиты и нерусских строителей, и между мной и церковью начал расти дом. Половину храма уже скрывала красная кирпичная стена с плакатом «Продам доленое». Судя по скорости строительства, любоваться золочёной луковкой мне оставалось ещё месяца три – четыре. Я смотрел на храм, и до меня доносился колокольный звон, перебиваемый шумом стройки и рёвом двигателя подъехавшего мусоровоза. Какофония звуков большого города. Винегрет из тел, желаний, чувств, домов, собак, крыс, интересов, светофоров и машин. Как в этом месиве можно понять и разобраться – кто тебе дорог и близок по духу, если взамен церкви появляется плакат «Продам доленое»? Как найти того, кому можно доверять? С кем можно хотя бы просто выпить и поговорить, если даже родной отец брал по рублю за то, что подвозил меня на своей машине до института? Чем больше людей вокруг, тем сложнее выбор. Вот, я сейчас убиваю время и жду, когда можно будет вернуть чужой телефон чужому человеку. И времени свободного – вагон, и можно пол помыть, и грушу побить, и почитать, но я просто лежу на диване или смотрю в окно и зачем-то вспоминаю Р-7. Мою несбывшуюся надежду

на счастье.

* * *

«Наконец-то! Я думала, ты так и не осмелишься это сказать! Какой же ты у меня скромный! У меня начинается отпуск через неделю. Я обязательно приеду и примерю твоё полотенце!»

Хорошо, что я сидел! Умывшись холодной водой, я причесал мысли и начал задавать более конкретные вопросы, а она стала отвечать на них более обстоятельно. И чем больше я про неё узнавал, тем больше недоумевал: на кой я ей сплющился? На вопрос – на чём она сюда поедет? – она написала, что у неё внедорожник «Lexus». На вопрос – а кем же она тогда работает? На заводе что – зарплаты выросли? – последовал ответ: работает заведующим юридическим отделом металлургического гиганта. Я набил в «Яндексе» этот завод, почитал, закрыл и почувствовал, что я чего-то не понимаю. Пока я размышлял о коварстве женской натуры и вспоминал о своём горьком опыте с Б-4 и Н-1, она скинула несколько своих фото с пояснениями: это я в Праге, это – в Мадриде, это – в Венеции. Отпуск я обычно провожу в Европе. Это мой дом. Это моя коллекция старинных часов с кукушками. Одних? к сожалению нет^ отправила на реставрацию в Германию. Это моя машина. Это машина дочери. Это я в бане. Сфотала себя через зеркало. Специально для тебя. Никак не решалась отправить. Сколько лет ты бы мне дал?

С последнего фото на меня смотрели две такие дыньки,

еле сдерживаемые каким-то мизерным прозрачным лифчиком, который она носила классе в седьмом, что я весь обратился в член. Ниже дынек шла точёная фигура гимнастки в стрингах, а выше – опять какое-то восковое неживое лицо.

Я честно написал, что при таких данных она одним движением руки получит любого мужика на выбор, поэтому не совсем понимаю, зачем ей ехать полтысячи вёрст к небогатому немолодому дядьке со скверным характером, у которого даже машины нет. А лет ей, судя по фото, двадцать пять, но, зная, что дочери уже двадцать, думаю, что все двадцать восемь. После некоторого молчания мне прилетел ответ: «Зачем мне мужик с деньгами, если денег у меня самой достаточно? Мне нужен настоящий мужик, а не деньги. У меня всё в жизни было. Не было только настоящего мужика. Хочу в крепкие мозолистые руки! Как увидела твою ухмылку – сразу поняла, чего мне в жизни не хватало. Я тебе скинула своё фото без одежды. Пожалуйста, скинь и ты – своё».

Тут меня окончательно заклинило. Я думал день, после чего пошёл в магазин и купил в кредит дорогуший «Canon» 5D. На тот момент у меня был старенький суперзум «Konika-Minolta», которого мне хватало по самые уши. Но вдруг ко мне действительно приедет красавица – миллионерша? И чем мне её удивить? Постельные утехи, как показала практика, приедаются и становятся обыденностью уже через месяц. Своего зоопарка у меня нет. Равно как самолёта с яхтой. Должно же быть у меня что-то, что приподнимало бы меня

над всем, что она когда-то видела. Над теми, кто её фотографировал, танцевал и ужинал до меня. Планка оказалась задрана до небес! Я должен быть хоть в чём-то, но лучше! Тем более, что фотография – одно из моих любимых увлечений с детства, и на хорошие зеркала я давно поглядывал и облизывался, да не находилось повода купить. Те портреты и пейзажи, что она мне кидала, никуда не годились. Фото Златы Праги на мыльницу – это такое же кощунство, как почтовая марка с картиной Сурикова «Утро стрелецкой казни». То же с её портретами: такие сиськи – а резкости нет! Поэтому я заплатил в магазине пятьдесят процентов заоблачной цены наличными, а остальное взял на два года в кредит. В тот же день сфотографировался через зеркало. В шортах и футболке. Я и так-то фото с собой – любимым терпеть не могу, а уж видеть себя голого со стороны – увольте! Отправил ей, извинился за переизбыток одежды и получил ответ: «Я залезу тебе под майку сразу в коридоре, ещё не заходя в комнату. Обожаю, когда у мужика такие бицепсы!» Да, гон делал своё дело: глядя вечером по цифровому плееру Куросаву или Феллини, я по два часа без перерыва махал гантелями, попивая зелёный чай, потев и проклиная дни, потраченные на последний запой.

* * *

В четыре я вышел из дома и поехал к памятнику Матросову. Плавилась остатки прошлогоднего асфальта, дымилась остовы автомобилей, очереди толстожопых гипертони-

ков и прединфарктников выстроились перед аптеками и регистратурами. Скорая работала на пределе, лёгкое пиво в магазинах расхватывалось, не успевая охлаждаться в холодильниках, настроенных на максимальный дубак. Чёрные тучи выбрались из нор и вновь с утробным урчанием наполнили на сибирский Иершалаим.

Б-52 сидела около памятника на скамеечке. Она была одета в лёгкое белое свободное платье до колен. Глаза прятались за тёмными очками «а-ля стрекоза». Разлетевшаяся копна рыжих волос полностью закрывала спину. На фоне белой ткани её густоющая грива казалась сделанной из горящих углей.

Я буркнул что-то приветственное, отдал ей телефон и сел рядом. Она взяла свой потёртый «Samsung» и стала задумчиво крутить его, зажав между большим и указательным пальцами. Через пару минут я понял, что пауза затянулась не спроста и посмотрел на неё. Из-под очков текли показательные слёзы.

– Да, Матросова мне тоже жаль! Классный, говорят, был парень! – небрежно произнёс я, стараясь не лезть лишний раз в чужую душу, дабы не напачкать там, да и самому не испачкаться.

А сам подумал, что «Чмо из чата» с первого по третий номер нынче, видимо, сорвались с крючка. Интересно: во сколько у неё встреча с номером пять?

Она молча просмотрела список пропущенных звонков,

осушила реки на щеках и вдруг гнусаво спросила:

– Куда ты меня нынче поведёшь?

«На расстрел!» – так и просилось в ответ, но я, подумав, решил проявить больше человеколюбия. К тому же передо мной вставал извечный вопрос не в меру свободного мужчины: как убить очередной воскресный вечер? Сидеть дома, вперившись в телевизор и заливая в себя по литру пива в час? Или заливать те же литры в кафе на набережной? В той легкомысленной обстановке, когда солнечный свет гаснет, ветер приносит от ближайшей шашлычной запах если не счастья, то его эквивалента. И, сидя на берегу Енисея под навесом в ожидании порции свинины с картошкой из тандыра, ты выпиваешь стакан ледяного «Невского», и с голодухи в голове сразу становится туманно, а шашлык всё не несут и не несут, и ты берёшь второй стакан, и вдруг ловишь на себе взгляд какой-то незнакомки, которая тоже пьёт пиво одна. И создаётся ложное ощущение, что всё в твоей жизни ещё может измениться в лучшую сторону, и что деньги есть, и внешность для сорока лет вполне так ничего, особенно если бросить пить пиво и немного покачаться, и здоровье ещё позволяет ощутить полноту жизни. Но тут к незнакомке подсаживается какой-то пузатый бобик, и она почему-то этому факту начинается дико радоваться. Или это вовсе была не незнакомка, а так – мираж, видение, отблеск фары в дрожащей енисейской воде? И ты в который раз съедаешь свой шашлык в одиночестве, и уже становится прохладно и ма-

лолюдно, а самое главное – понятно, что пора домой, потому что завтра в восемь надо быть на работе. Ты берёшь такси, выходишь за сто метров до своего подъезда, заходишь в знакомый круглосуточный магазинчик и берёшь напоследок ещё бутылку «Девятки», хотя понимаешь, что это уже – точно лишнее, и завтра с утра будет тяжело просыпаться и на ватных ногах плестись на работу. Но какое имеет значение понятие «Завтра», если на душе погано именно сейчас. Если до боли не хочется отпустить от себя очередное воскресенье, так и не принёсшее ничего, кроме разочарования.

– Я в этом районе не местный. Это ты в каждом номере была. Знаю пару приличных заведений, но все они на том берегу. Хочешь – поехали в... ну скажем...

Когда женщина плачет, я не могу её убить. Рука не поднимается. А вот как перестанет – пожалуйста. Вот и теперь я совершенно честно взялся перебирать в голове список не самых дорогих забегаловок.

– Мы пойдём в «Розу ветров»! – перебила она мои измышления. – Тут недалеко. Я там бываю по воскресеньям. Там хороший зелёный чай. Настоящий китайский. И вообще чайная карта богатая и официантки разъёбистые. Терпеть не могу тормозов! С сегодняшнего дня я пью один чай! Вчера посмотрела на себя со стороны. На тех твоих снимках. Кошмар! Корова натуральная! Больше в жизни не съем ни одного мороженого! Бегать буду по утрам!

Тут до меня долетели алкогольные испарения, и я понял,

что моя подруга изрядно навеселе. Хотя выражение «навеселе» вряд ли подходит к рыдающей на скамейке даме юных тридцати двух годиков.

– В розу так в розу! – согласился я. – Кстати, а где твой самосёр?

Шутить с женщинами вообще опасно. Их юмор кардинально отличается от мужского. Нехватка эрудиции с лихвой компенсируется избытком эмоций, поэтому прежде чем процитировать даме, к примеру:

Не всё так плохо в этом мире,
Хотя и грош ему цена,
Покуда есть на свете гири
И виден уровень говна!

– Не забудьте невзначай добавить, что это написал Галич о ленинградской канализации.

И тогда она спокойно кивнёт: мол – а я это давно знала! И не станет весь вечер прищуривать лобик, бросать на вас подозрительные взгляды, оглядывать свою юбку и думать – на что это он, охальник, тут намекнул? Шутить же с плачущими, а, значит, неподготовленными к юмору женщинами – опасно вдвойне. Мне следовало бы об этом помнить!

Б-52 секунду думала над «самосёром», потом вдруг подскочила и заорала мне в макушку:

– Не смей так называть мою собаку! Не смей! Не смей!

Я успел отпрыгнуть в сторону, поэтому её кулак лишь

шаркнул мне по плечу. Я приготовился дорого отдать свою жизнь и встал в боевую стойку, набычив голову и прикрыв правым кулаком челюсть, но тут силы покинули истеричку и она шлёпнулась на скамейку так, что ближайшая сейсмо-станция в подвале СНИИГГиМСа на проспекте Мира, думаю, зафиксировала толчок силой в два с половиной балла.

Истерички способны на многое. Выпившие истерички способны на всё. Я это знал по своей Б-3, то есть первой жене. Первые пять лет совместной жизни, когда она выпивала – а это случалось редко, только по праздникам, – мне нравилась её томность и неспособность к какому-либо сопротивлению. После третьего бокала вина она была согласна на всё и везде. Это заводило и разнообразило. Со временем мы с Б-3 стали подкрашивать алкоголем нашу совместную жизнь всё чаще. Душа хотела праздника, поэтому в праздник превращалась любая подходящая суббота. Это уже не так нравилось, но вошло в привычку. По первости праздника хотела только моя душа, а её – лишь слегка присоединялась, но спустя какое-то время я с ужасом понял, что бутылку «Портвейна» мы уже честно делим пополам и пьём зараз по полстакана без закуски. Когда она однажды закатила пьяную истерику по поводу того, что праворукие боксёры не могут отправить соперника в нокаут ударом левой – я понял, что с алкоголем пора заканчивать. Видимо, спокойная семейная жизнь – не для меня. Спокойствие вкупе с наличием достаточного количества денег для нас с женой оберну-

лось пьянками, доходившими до ругани, а позже – и до мордобоя. Праздник затянулся. После очередного такого брудершафта она подала на меня в суд. Дело ничем не закончилось, но это стало последней каплей, и мы развелись. Свою трёхкомнатную квартиру я оставил ей с детьми. Взамен она со своей матерью насобирали мне приличную сумму денег. Я добавил сколько не хватало и купил себе гостинку в новом кирпичном доме. И почти в сорок лет начал жить заново, имея лишь одеяло, чайник, фотоаппарат и ноутбук. Дочери остались с матерью, друзья в большинстве поразъехали кто – за границу, кто – на севера, а один даже внезапно помер. Я долго и мучительно привыкал к одиночеству. Через неудачные попытки жениться, влюбиться, спиться, вернуться обратно в семью и повеситься. Но привык – таки, и отвыкнуть обратно уже вряд ли смогу. Слишком дорогим оказался курс немолодого бойца. С тех пор я знаю, что спокойная семейная жизнь для меня равносильна самоубийству и что мне нужно состояние вечного гона, чтобы держать себя в узде. Видимо, это тот самый ветер, против которого лично мне ссать бесполезно. Мой идеал – это волк, которого кормят только ноги и который умирает на бегу. Отсутствие денег – лучший способ бросить пить и похудеть! Спокойствие духа и гарантия безопасности во все времена были только в нищете! А поскольку я переехал в новую пустую квартиру, то денег на алкоголь, естественно, не было: мне пришлось начинать с голых стен, на которых не стояло даже приборов

отопления и дверей в туалет! И пить я почти бросил. Но с тех пор опасаясь истеричных выпивших женщин, тем более таких габаритов.

* * *

Немного потрясся загривком, рыжая подняла голову, достала косметичку и стала приводить себя в порядок. Работы в этом плане оказалось навалом, и у меня ноги затекли стоять. Сесть рядом я не рискнул, хотя и руки от челюсти убрал за спину.

– Я так и знала, что тебе за восемьдесят! – внезапно громко проговорила она непонятно в связи с чем, решительно встала и добавила: – Ну! Мы в «Розу» идём или нет?

До кафе мы дошли молча. Спустившись по ступенькам в полуподвал, она уверенно повела меня вглубь полумрака. Мы уселись в самом углу, огороженные от людей высокими спинками мягких диванов. Работал кондиционер, из динамиков негромко играл джаз. Атмосфера располагала к блядству, а мне хотелось лишь выпить чаю после уличной жары. Старею! Мы пришли сюда явно неспроста, а я вновь изображал полное непонимание женских флюидов.

Рыжая пошарила глазами по столу и сказала:

– Странно! Куда звоночки-то делись? Орать им каждый раз теперь что ли?

Подошедшая через минуту официантка объяснила, что звоночки убрали по приказу директора и она очень извиняется за причинённые этим неудобства.

Рыжая готова была снова закипеть, но пара, видимо, уже не хватило. Она просто заказала чай с каким-то хитрым названием, в состав которого входило ингредиентов больше, чем в украинском борще. Вскоре нам принесли литровый прозрачный заварник, в котором на наших глазах происходило таинство заваривания божественного напитка. Листики и ягодки самых разных цветов и размеров беспрерывно сновали в кипятке вверх и вниз, словно глотали у поверхности воздуха, чтобы нырнуть поглубже. Постепенно броуновское движение стало замедляться, чайники образовали на дне толстый буро-зелёный слой, зато прозрачная вода окрасилась в изумрудно-бирюзовые цвета. Я всегда любил смотреть на превращение обычной воды в чай или кофе. Особенно хорошо за этим наблюдать сквозь прозрачную посуду. Поэтому, когда процесс в чайнике, наконец, замедлился, я поднял голову и натолкнулся на взгляд человека, который нашёл в лесу огромный гриб, срезал – и увидел внутри червя.

– Смешно? Это для тебя – смешно? Или тебе смешно, что я плачу? Почему ты всё время улыбаешься? Может, ты всё-таки нальёшь своей даме чай? Кого ты там увидел? Своё отражение? Зеркала дома нет? Я тебе принесла, между прочим, объектив!

Я налил чай себе и ей. Ах, объектив! С Р-7 мне было хорошо и без объектива.

* * *

Она приехала через неделю на своём «Lexus-е». Пока еха-

ла – звонила каждые сто километров.

– Да не звони ты за рулём! – говорил я ей. – Трасса сложная, по горам. Приедешь – позвонишь! Я выйду и встречу. Район новый, ты не найдёшь мой подъезд. Тут даже местные таксисты теряются.

– Я не могу не звонить! – слышалось в ответ. – И я не разобьюсь. Во-первых, я за рулём с института. Езжу с закрытыми глазами, все категории открыты. Могу ездить хоть на «Камазе» с прицепом. А во-вторых – я не умру, пока не увижу тебя. И твою квартиру я обязательно найду сама!

Три с лишним часа я просидел как на иголках. Вся моя фантазия заканчивалась на том моменте, как она переступит порог. Что будет дальше – я не мог представить даже примерно. И когда снова зазвонил телефон, мой пульс подпрыгнул так, что поплыло в глазах.

– Чёрт! – сказала она абсолютно спокойно. – Ты был прав! Дом твой нашла, а вот куда дальше идти – не знаю. Это не дом, а целый город! Я поставила машину на парковку, обошла всё на три раза и сейчас стою дура душой под вывеской «Товары для малышей».

– Стой на месте! Я буду через минуту! – крикнул я в трубу, впрыгнул в тапки и за секунду добежал до дальнего угла дома.

Подошёл к женщине со знакомым силуэтом и сказал:

– Привет!

– Привет! – ответила она и виновато улыбнулась улыбкой

стареющей кинозвезды. – Всё о чём я сейчас тебя прошу – дай мне пятнадцать минут на то, чтобы принять ванну! Дорога оказалась очень длинной. Четыре часа в тапок давила. Устала как савраска.

Она приехала в простеньком сером трикотажном спортивном костюме, серой кепке и серых кроссовках. Я взял её огромную серую сумку и повёл домой. Она шла рядом широкой походкой от бедра, покорно вручив мне свою руку. Через пять метров я поставил сумку на землю, повернул её к себе и глянул в лицо. Она не отвела взгляд, спокойно посмотрела мне в правый глаз, потом – в левый, и сказала:

– Это я. Да. Приехала надолго. Навсегда.

Она была старше своих фотографий лет на двадцать. То есть лет ей было примерно как мне. Небольшая раскосость глаз наводила на мысль о пластике. Ничего воскового. Морщинки на шее. Худая, высокая. С такой грудью, что хоть монету клади – не упадёт. Слегка избыточный загар свидетельствовал о расово-финансовом превосходстве. Только тут до меня дошло, что «Photoshop-ом» обрабатывать портреты умею не я один. Она, видимо, прочитав мои мысли, сказала:

– Старее, чем на сайте? Я не хочу стареть. Боюсь. Борюсь с этим всеми средствами. Глупо. Знаю. Но ничего не могу с собой поделать. Есть такая компьютерная программа специальная. Чтоб лица на снимках делать моложе. Не помню как она называется. Очень простая. Там только три какие-то

кнопочки и один бегунок. Я его всегда ставлю на максимум, когда свои портреты обрабатываю. Если у тебя будут проблемы – я уеду, не переживай!

– Не говори ерунду! – я поднял сумку и снова взял её за руку. – У тебя пятнадцать минут на всё про всё. Время пошло. Раз ты приехала навсегда, то у нас впереди всего лишь вечность. Нельзя терять ни минуты!

Наша вечность продлилась ровно две недели.

* * *

Б-52 быстро выпила первую чашку чая и скривила такое лицо, что мне вновь захотелось прижаться к канатам и уйти в глухую оборону.

– Ёптвоюмать! Где звонок? На Кипре в любой сраной забегаловке на каждом столе – звонки. Я что – сама должна чай в кружки наливать? Кошмар! У них работа – клиентам чай наливать, а они сидят там, музыку слушают! Дармоеды!

Я поспешил налить ей чай, набрался храбрости и сказал:

– Ты знаешь, сегодня я пока не готов этот объектив у тебя купить. В инете на аукционе нашёл ещё пару предложений. Сначала хотел бы их глянуть. Лишних денег нет, а объектив – это такая вещь, что сама понимаешь... так что как-то...

– Я знаю, какие там предложения! – она вновь отреагировала не так, как я ожидал. Сухо, деловито, со знанием дела. – Одно мясо. Кухарки невыездные. На что рассчитывали? Что если их в двадцать замуж не взяли, то возьмут в тридцать?

Как будто непонятно, что мужики там не жён ищут, а бабу на одну ночь. При этом ещё чтоб самому не платить, да ещё и выпить и пожрать перед этим самым нахаляву!

Услышав такое, я сразу вспомнил свой давний разговор с С-4 и вновь рискнул улыбнуться. И что у меня за дурацкая привычка – улыбаться, когда кто-то плачет!

* * *

Пару лет назад мы с С-4 так же сидели в кафе, только на набережной, пили пиво, ели шашлык, и она, тихонько вылив в свою кружку с «Балтикой – семёркой» шкалик водки, жаловалась на нравы современных мужиков практически теми же выражениями:

– Мужика сама найди, домой его на такси привези, накорми, напои, сама об него трахнись, а он будет потом лежать полночи к тебе спиной, футбол смотреть! А утром – поминай как звали! Уж перед ним и так расстелишься, и этак – бесполезно! Ты вот скажи мне, только честно, паря: чё вам всем от меня надо? Как на духу!

У С-4 не было ни одной пяди во лбу. Даже её страницу на сайте знакомств, как оказалось, создала ей её мать, потому что её вечная двоечница – дочь в слове «Хуй» делала пять ошибок. Она торговала обоями на базаре и хамила всем и каждому при первой же возможности. Хамство было её хобби. Любимым занятием после еды. Единственная шутка на все случаи жизни – «Нахаляву только укус!» Ещё запомнился перл про охотника, разом убившего одного зайца.

Находиться с ней в общественном месте больше пяти минут не краснея не смог бы даже людоед. Но тут – не поспоришь. Единственно в чём она ошиблась – я не люблю футбол, поэтому смотрел бокс, а наутро выпил кофе со свежей булочкой и пообещал заехать вечером. Еду до сих пор. Дела, дорогая! Дела! С-4 мне оказалась интересна только потому, что когда после шашлыка и пива с водкой я пьяно обнял её у парапета – мои пальцы за её спиной кое-как сошлись. И вдруг стало щёкотно: а каково с такой в постели?

Сразу вспомнился анекдот про то, что вам всё худеньких да молоденьких подавай, а нас, толстых да старых, кто трахать должен? Где-то в глубине я внезапно осознал острое чувство ответственности за старых и толстых, и в этот вечер рискнул исполнить свой долг перед ними. Ещё в памяти всплыл случай, когда приятели пригласили такую немалых габаритов даму в баню одну на четверых, выпили ящик пива, сколько-то водки, но это не помогло. Мужики за тридцать лет каждому сидели в напряге как школяры и кивали друг на друга: «Давай ты первый! А чё я-то? Давай ты! Ну, тогда ещё вздрогнем!» Девушка весь вечер плавала в бассейне в гордом одиночестве и обиженно кричала: «Ну, мальчишки! Вы там скоро! Я уже скучаю!», под конец покрыла всех по матушке и уехала домой нецелованная.

Настроение в тот момент у меня было игриво-сексуальное. Может, Венера стояла в Раке, может – повлияло полнолуние. Я прилично выпил и проделал, так сказать, следствен-

ный эксперимент с целью расширения границ жизненного опыта. С тех пор, если на сайте я натыкаюсь на надпись «Пышечка», или «Любителю женских форм», или просто на сухое: 28-160-78, то бегу мимо закрыв глаза, оглашая окрестности криками ужаса. Были, старики рассказывают, любители пригласить даму в лес на шашлык, там снять с неё трусы – и вот тебе готовая двухместная палатка. Но лично я таких не встречал.

* * *

– Не всё так безнадежно, как ты описываешь! Люди везде разные. Кому-то замуж хочется, а кому-то просто пообщаться дома не с кем. На этих сайтах сколько угодно случаев, когда люди даже женятся! Там, когда удаляешь анкету, тоставишь галочку в специальной графе: причина ухода с сайта. Надоело, разочаровался, нашёл свою единственную! Я три раза удалялся, когда находил единственную, знаю.

Она посмотрела на меня, и у неё снова навернулись слёзы. Видимо, я елозил по больным струнам её души. Я – жестокий человек. Бестактный и циничный. Как там у Высоцкого: «Нас не надо жалеть! Ведь и мы никого не жалели!»

Вторая жена добила во мне всё то небольшое человеческое, что ещё оставалось после первой. Я временно остался без работы, а, значит, и без денег. И она меня банально выгнала. Американский вариант! Вернее, сделала так, чтобы я ушёл. Она жарила на обед только две котлеты: себе и дочери. Мужу? А он что – сегодня что-то заработал? С зарплаты поку-

пала гостинцы себе, дочери и кошке. На Пасху без предупреждения уехала к какой-то подруге. А ведь за год до того я весь свой денежный запас потратил на ремонт её старой квартирki, куда мы после этого ремонта и переехали. Купил сантехнику, мебель, много чего сделал своими руками. И вдруг – «ноу мани – ноу хани!» На вопрос: как же так? Ведь я на тебя столько потратил, а тебе всё мало! – Последовал гениальный ответ: за это я с тобой два года сексом занималась!

Хорошо, что у меня есть своя квартира и неизменная Т-9! За те полтора года, что я у неё не был, она изучила испанский язык, осилила всего Павича и Мураками, научилась играть на бирже, быстренько заработала на акциях почти полмиллиона и разменяла однокомнатную на окраине на двушку поближе к центру города. Но главное, что меня тогда спасло от голодной смерти – вскоре после ухода от Б-9 я в какой-то подворотне нашёл кошелёк с деньгами. Там оказалось целых триста шестнадцать рублей! Эти потерянные кем-то деньги попали именно к тому, кто в них нуждался больше всего! Короче, до светлых времён на сухарях и одноразовой лапше я продержался, хотя в тот момент снова хотелось повеситься. Но один раз я уже вешался после того, как меня бросила Н-1, и испытывать эти ощущения заново организм почему-то не хотел.

* * *

Я посмотрел на часы. На улице потемнело как-то несурраз-

но рано, и пока я пытался понять – почему? – в крохотных окошках полуподвала внезапно стало совсем темно и лива-нуло так, что шум дождя заглушил джазовые рулады Би Би Кинга. Ведь хотел ещё взять с собой зонтик! Два раза на этой неделе брал – и, естественно, зря. А теперь придётся мокнуть. Да ещё эта женщина в белом не дай бог попросит про-водить её до кровати и просушить все волосы полотенцем. Я снова оценил её как женщину и пришёл к единственно-му выводу: не моего поля ягода! Да, что-то в ней есть. Ли-чико милое, если не смотреть на второй подбородок. Воло-сы – просто класс. Но этим плюсы ограничиваются. Конеч-но, можно настроить плуг на малую глубину, записать ещё одну мордочку в актив и постараться максимум за неделю забыть, запить, заспать то, что пять минут шептал ей сгоря-ча, а потом битый час выслушивал о несбывшихся надеждах. Но с годами азарта всё меньше, и уже не понимаешь, ради чего ещё одна звезда появляется на капоте твоего ржавею-щего драндулета. И вообще не понимаешь – зачем весь этот карнавал. Одни маски, и кто за ними скрывается – не узнать никогда. Что они хотели от тебя, а что – ты от них – уже за-былось, и хочется закрыть глаза и попросить главного маши-ниста жалостливым голосом: «Да выпустите же меня отсюда наконец! Я сел не в ту электричку!»

Рыжая что-то говорила про объектив, потом начала зада-вать на удивление умные вопросы по съёмке в темноте, съём-ке на приоритете выдержки и диафрагмы, склейки панора-

мы. Говорила, что с Кипра хочет привезти хорошие снимки заката и какого-то известного храма, а не то, что прошлый раз она наснимала в Кракове: ни кожи ни рожи. Судя по её сбивчивому монологу, термины эти она прочитала только сегодня, мало что в них поняла, но к встрече со мной зазубрила. Сообразительная! И память неплохая! Ладно, поставим ещё один плюс.

Я заказал второй чайник с какой-то свежей сдобой и начал рассказывать азы фотографии. Она от сдобы решительно отказалась, достала блокнот, фотоаппарат, стала что-то зарисовывать, записывать, попросила не торопиться. Тыкала пальцем в разные кнопки, спрашивала их назначение.

Про фотоаппараты я могу говорить долго, поэтому начал автоматом отвечать, объяснять, вдаваться в тонкости, а другим полушарием вспоминал Р-7.

* * *

Ровно через пятнадцать минут она вышла из ванны в бирюзовом прозрачном халате выше колен и скромно попросила включить какое-нибудь кино или музыку. Я включил видеоконцерт Стаса Михайлова – лучшее средство для размягчения любой женщины, – и мы забрались под одеяло. Она легла на спину и я снял с неё халат. От пупка до груди, словно пуговицы, через одинаковые расстояния на её смуглой коже белели четыре небольших круглых шрама, словно по ней когда-то дали очередь из автомата, проведя стволом сверху вниз. Ещё две продольные отметины находились ближе

к подмышкам. Огромная грудь не теряла формы, как бы ни легла её хозяйка. На ощупь она напоминала мяч для очень большого тенниса, и так же слегка закрипела, когда я надавил посильнее.

– Сильно не жми! – попросила она.

– Зачем тебе всё это? – не удержался я от, наверно, бестактного вопроса. – Ты же и без того отлично выглядишь! Разве в этом счастье?

– Наверно, я просто дура! Если можешь – не обращай внимания. Если не можешь – скажи! Я исчезну через минуту.

Больше к теме липосакции и силикона мы не возвращались. Утром я уходил на работу, а по возвращении меня ждал обед из трёх блюд. Моя миллионерша, вся в муке, стряпала пирожки с печенью и варила супы. Сама ходила на базар и по магазинам, а через три дня в её знакомых уже числились владелица местного солярия и тренер по фитнесу из ближайшего спортзала.

– Я сегодня плодотворно провела день! – отчитывалась она, как только я вечером переступал порог. – Позагорала. Покачала пресс. Разговорились с одной тёткой в спортзале. Оказывается, тут где-то недалеко есть частный сектор. Может, купим домик? Я всё равно хочу перебраться оттуда сюда. Свой дом я смогу продать миллиона за три. Добавим сколько не хватит – и купим тут.

– Ты знаешь, сколько тут стоит домик? – пытался умничать я, садясь за чай с горячими пирогами.

– Деревянный можно взять за четыре. Каменные начинаются от пяти. Я звонила в агентство. Мне понравился один вариант за семь двести. Не вижу проблем. Кроме хорошей зарплаты у меня небольшой бизнес: свой кемпинг на берегу Енисея. Никаких затрат, никаких хлопот. Там командует мой друг. От меня требуется только юридическое сопровождение и поддержка в случае чего. Я его сильно выручала пару раз. Ситуации разные бывают, а у меня в местном ГУВД много знакомых. Я же как-никак капитан милиции в прошлом. И бандиты меня знают, и власть. Думаешь, я свой «Lexus» в магазине брала? Он мне обошёлся по цене новых «Жигулей». Главное – на нём не ездить западнее Новосибирска. Он там в угоне числится, а тут – нет. Только ты об этом не особо распространяйся если можно.

Через неделю жизни с ней я понял, что на земле есть рай. Что боженька сжалился над сыном своим грешным и послал, наконец, ему свою благодать в виде этой странной, как светофор в тундре, дамы. Вообще, я не люблю независимых женщин. Коль она независима и я независим, то – что нам вместе делать? Женщина, с моей точки зрения, должна быть слабой, и тогда в мозгу у нормального мужика включается что-то, что связывает пару на долгие года. Он обязан её защитить, и если с ней случится что-то плохое – позор ему до гробовой доски. А она без него реально пропадёт, потому держаться за мужика обязана хотя бы из чувства самосохранения. И такая пара живёт долго и относительно счастливо, по крайней

мере, в моём воображении. Р-7 же была абсолютна независима, но сумела поставить дело так, что мне так не казалось. Она не сходила с лестницы, не подав мне руки и как бы боясь упасть. Хотя, беря её за руку, я чувствовал, что эти пальцы при случае могут сжаться на горле так, что Дездемона пискнуть не успеет. Она никогда не говорила: «Я куплю дом», а всегда – «Мы купим», хотя моих скромных средств тогда хватило бы как раз на то, чтобы поставить деревянный забор вокруг её десяти соток. Каждый вечер она давала мне подробный отчёт о проведённом дне и выясняя – что бы я хотел завтра на ужин. Всю еду она покупала только на свои деньги. Так же в квартире без моего ведома вдруг появились новые кружки, тарелки, перчатки, постельное бельё. Когда я предложил сходить в кино, она тут же спросила – сколько подгонять машину? Я сказал, что предпочёл бы общественный транспорт, и вопрос с машиной больше не поднимался. Потом Р-7 спросила: что ей вечером надеть на выход? Я сказал, что мне, в принципе, без разницы: она мне нравится независимо от того, что на ней надето. Она открыла свою вместительную дорожную сумку, выложила на диван дюжину разных нарядов и задумалась. Судя по её растерянному виду, перед ней лежало полпроцента её полного гардероба, и она впервые за много лет стояла перед таким скудным выбором.

– Что, и в этой майке можно? В ней же у меня всё на виду! Впервые вижу такого мужчину, чтоб разрешал своей даме

ходить по городу в таком наряде!

Если новая женщина говорит мало – это настораживает: что-то скрывает. Если много – это утомляет. Из неё же вытекало слов ровно столько, сколько воспринимали мои барабанные перепонки после рабочего дня. Спасибо тебе, господи! Целых две недели своей жизни я прожил по-настоящему счастливо! Каждое утро она вставала на полчаса раньше меня, подводила глазки и делала мне завтрак. А я каждый вечер делал десяток её портретов. Она ахала:

– Это надо срочно подправить! Никуда не годится! Твой фотоаппарат за такие деньги мог бы сделать меня и помоложе! По сравнению с тобой я просто старуха! Хочешь, я сделаю ещё одну пластику? Нет? Тогда установи на свой компьютер ту программу! Я сама буду обрабатывать свою морду! Зачем ты купил такой фотоаппарат? Все морщинки видно! То ли дело моя мыльница!

Её любимой поговоркой была: «У счастливой женщины светящиеся глаза и сбитые колени».

Кое-как я смог сделать пару её портретов такими, какими мне хотелось. Она стояла под дождём в синих обтягивающих джинсах, белой куртке, под ярко-красным зонтом, на фоне жёлтого осеннего леса и чёрного неба до горизонта. Контраст на контрасте. Такой я её и запомнил.

* * *

Вот и теперь льёт дождь. Рыжая быстро обучилась сама подливать себе в кружку уже остывший чай и без усталости жала

на разные кнопки фотоаппарата.

– А это что? Ах, вот даже как? Кошмар, как всё, оказывается, сложно! Как это у них всё влезло в такую коробочку? Подожди, я сейчас запишу!

И вдруг мне стало тошно. Я понял, что ей не интересен фотоаппарат. Что она всеми силами пытается сделаться интересной хотя бы мне. Человеку, на которого её первой реакцией было слово «Кошмар». А ведь первая реакция – самая верная! Раз сразу нигде не торкнуло – уже не торкнет. А этой уже не до хорошего. Хотела принца на коне. Теперь получить хотя бы коня! Образования – ноль. Единственное родное существо – собака. Попытки сыграть какую-то чужую роль, катаясь по курортам и застолбив себе место в кафе, привели к тому же, к чему меня привели в своё время вечерние сидения на набережной: ни к чему. Имитация жизни. Бутафория. Ощущение, что настоящая жизнь где-то рядом, но уже не в двух плевках. Одиночество в толпе. Но, в отличие от меня, она бросается в толпу ещё глубже, надеясь, что это и есть – выход. А я поступил с точностью до наоборот: перестал цепляться за миражи. Потому что понял: не надо надеяться. Надо резать по живому, убивая в себе желание личного счастья и благополучия. Если зуб выдернули – он уже не болит. Резать по живому и при этом не стонать меня научила Р-7.

* * *

Я пришёл с работы и застал свою божью благодать в сле-

зах. Плакала она скупно. Она вообще вела себя подчёркнуто сдержанно везде, кроме постели. На вопрос – что случилось? – она объяснила, что её назначили в республиканский аппарат главой юридического департамента. Она давно подавала заявку на конкурс и совершенно о ней забыла. Сегодня ей позвонили и сказали, что в понедельник она может осваивать новый кабинет в сером доме. Это то предложение, от которого не отказываются. И дело не в зарплате с кучей нулей и другими возможностями, а в специфике работы людей в полувоенной униформе. Это приказ, за неисполнение которого пожизненно приковывают к позорному столбу. Это даже не казнь. Это гораздо хуже.

– Есть, конечно, одна возможность, чтобы мы не расстались. Но я прекрасно понимаю, что она невыполнима. Я предлагаю тебе ехать со мной. Бросить тут всё и уехать. Будешь там кум королю. Вернее – королеве.

Она упёрлась лбом в окно и с тоской смотрела на купол церкви. Вечерело. Купол красиво подсвечивался лучами заходящего солнца и выглядел торжественно и величаво. Изредка с грустью в голосе тренькал колокол. Судя по безнадёжным интонациям, она заранее знала мой ответ, но не предложить этот вариант не могла. То ли до меня не до конца дошло, что это – финиш, то ли где-то в глубине души я ожидал чего-то подобного по окончании её отпуска, но всё, что я смог сказать:

– Ты правильно понимаешь. Конечно, я никуда не поеду.

Кто я там буду? Никто!

– Как всё глупо получилось! Прости, я не хотела! Прости!

– В моей жизни счастье долго не селится. Так что – всё нормально. Спасибо за то, что позволила почувствовать себя человеком! Что у нас на прощальный ужин? – улыбнувшись, попытался пошутить я, хотя изнутри весь покрылся изморозью.

Она прижималась лицом к холодному стеклу окна, смотрела на закатную церковь и только шептала изредка:

– Прости... прости...

Она уехала на завтра в пять утра. Провожать её я не пошёл. Вообще прощаться не умею и не люблю. Попили кофе. Посидели молча, зажав эмоции в кулаки. Обнялись на десять секунд.

– Удачи! Не скучай!

– И тебе не кашлять! Спасибо за всё!

Она ушла твёрдой походкой. Я слышал, как по длинному коридору разлетается шорох её шагов. Всё тише, всё дальше. Потом хлопнула дверь в подъезде и наступила такая тишина, какую я слышал только в глубине заброшенной штольни в горах Кузнецкого Алатау: километр гранита над головой и никаких форм жизни. Звук захлопнувшейся двери был похож на выстрел. Снайпер выстрелил в меня. И попал. Я сполз спиной по дверному косяку на пол, закрыл лицо руками и умер.

Так что на её «Lexus-е» я не то что не прокатился – я

его даже не увидел. Позднее мы обменялись несколькими эсэмэсками. В первой она написала, что старше меня почти на год. В последней я прочитал:

- Я кофе заварю. Тебе покрепче?
- Ты знаешь, мне недавно было грустно...
- Ты улыбнёшься, взяв меня за плечи:
- Не уходи! Мне без тебя некусно...

Она отовсюду удалила свои страницы и попросила нигде и никогда не выставлять её фото. Я пообещал не портить ей карьеру. Ещё она попросила больше не звонить и не писать, потому что резать по живому – больно, но быстрее зарастает, чем регулярно ковырять старую болячку. И я заткнулся навсегда. Она – мужественная женщина и в прошлой жизни тоже, видимо, была самураем. А перед новым годом мне пришла посылка без точного обратного адреса. В посылке лежал деревянный волк, стоящий на камне и тоскливо воющий на Луну.

* * *

– Извини, но мне пора! Девушка, обсчитайте нас пожалуйста!

Рыжая замерла над фотоаппаратом и вдруг вся как-то сникла. Я рассчитался с официанткой, пожелал рыжей удачно реализовать неликвиды и съездить за хорошими фотографиями. Из той словно выпустили часть воздуха. Она погасла и просто смотрела в чашку перед собой. Даже волосы

в неверном свете блядских лампочек казались не рыжими, а какими-то пепельными. Я прекрасно её понимал. Только помочь не мог ничем. Вернее, не хотел. В душе не трепыхнулось ничего, даже отдалённо похожего на жалость. «Нас не надо жалеть! Ведь и мы никого не жалеем...»

– Там дождь. Как же ты без зонтика? У меня есть зонтик! Давай я тебя провожу! – подскочила она, когда я уже двигался на выход.

Ночь съела город без остатка. На остановке парили над водой три нетрезвых человеческих силуэта. Дождь шёл слабее, выдыхаясь, но повсюду неслись бурные мутные потоки. Мы с рыжей шли прямо по тёплым лужам. Тротуар под ногами, покрытый слоем воды, дрожал в свете уличных фонарей. Повсюду журчало и капало. Лица её видно не было, и смутное пятно на фоне чёрного зонта мне вдруг показалось не таким уж чужим и противным. Хоть кто-то знакомый в полном мраке! Одно слово, один жест – и расставаться не придётся! А что если...

Хорошо, что быстро подошёл автобус, а то моё внутреннее душевное равновесие под ночным дождём стало расклеиваться и протекать.

– Я как прилечу – скину тебе пару фоток! Оценишь? Ну и про ванну там подумай! – почти бодро воскликнула она и почти улыбнулась.

– Кидай! Подумаю! – крикнул я уже из автобуса.

Двери, смазанные дождём, тихо закрылись, рыжее пят-

но тут же пропало за чёрным мокрым стеклом. Она ничего не скинула. Может, тоже поняла, что по живому резать – быстрее заживает, а, скорее всего, что из чата номер пять или десять оказался менее разборчивым и закомплексованным, чем я? Не у всех же бывают в жизни такие две недели на небе, после которых больно падаешь на землю, и всё, что тебе потом остаётся – смотреть вверх.

* * *

Через пару дней после того, как Р-7 исчезла из моей жизни, тишина стала непереносимой. Я пил, ел, ходил на работу, общался с какими-то людьми, но в голове стояла полная тишина, как после взрыва фугаса в метре от твоего окопа. Я постарался не резать руки по старой привычке и не уходить в запой. Потом нашёл на полу подъезда рекламную газетёнку, открыл последнюю страницу и набрал первый попавшийся номер.

– Агентство «Клеопатра» слушает!

Предельно эротичный голос не оставлял сомнений в том, что выбор девочек невелик, товар залежалый и рассчитан на обслуживание нетребовательных к красоте пролетарских окраин.

– Мне какую-нибудь даму на часик. Только не толстую! – вежливо попросил я.

На том конце вышла заминка. Трубку прикрыли ладонью и начали обсуждать детали. Через двадцать пять секунд, когда я уже искал глазами телефон конкурирующей организа-

ции под названием «Ариадна», из трубки донеслось:

– Вам как срочно? Просто пока рано, девочки подъедут ближе к вечеру. Мы сможем вам помочь часа через три.

Я давно не пользовался такими услугами и совсем забыл, что у них самая работа начинается тогда, когда дети засыпают, а тем, у кого их нет – не спится.

– Годится через три. Постараюсь дотянуть. Перезвоните по этому номеру. Только просьба: худую! Рост, цвет волос – до лампочки. Возраст – чтоб только не ветеран войны. Но не толстую! Толстая поедет обратно, сразу предупреждаю. У меня на них аллергия.

– Хорошо! Мы перезвоним вам ровно в десять на восемь девятьсот пять ноль восемьдесят шесть сорок четыре двенадцать! Девочки у нас – высший класс!

В трубке раздались эротичные гудки.

Мне не хотелось секса. Мне надо было хоть как-то заполнить вакуум в голове. Любым дерьмом, но заполнить. Выбить клин клином. Сделать хоть что-то с любой бабой, чем опять лежать одному и думать, что на этот раз уже точно – всё. Конец. Ни желания жить, ни надежды на счастье уже не оставалось. Последний нетронутый кусочек души она забрала с собой, в груди остался только серый бутовый камень.

До десяти я занимался тем, что пересматривал а потом стирал кое-какое наше с ней видео. Заодно стёр всего Михайлова и Талькова. Я не мог себе представить, что буду смотреть этот концерт в «Олимпийском» с кем-то ещё. И по-

нял, что больше не смогу слушать лирические песни про несвоевременность – вечную драму, где есть он и она.

Ровно в десять эротический голос сообщил, что сука готова к случке. Ещё через полчаса раздался стук в дверь. Су-тенёр опытным взглядом мельком глянул на меня, потом за-сунул голову в комнату:

– Вы один?

– Один. Я эти порядки знаю! – устало сообщил я.

Что ни говори, а в этом плане они – молодцы: если клиент под мухой или в хате мужиков больше, чем заказанных девочек – сразу до свиданья!

– В этом месяце у нас десять процентов скидка или двадцать минут к каждому часу бесплатно. Каждый пятый визит за половину стоимости. Девочка хорошая, но тут небольшая проблема! – он даже смутился.

Вид смущённого сутенёра дорогого стоит, и мне стало легче. Что уж там за проблема с девочкой – я пока не знал, но от общения мне уже повеселело.

– Она на клык не берёт! – шёпотом посплетничал он мне. – Учится на стоматолога в меде. Что-то им такое на лекции рассказали. Теперь хоть убивай – не даёт в пасть. Для вас это принципиально?

– Можно сначала на товар глянуть? – заинтересовался я.

Из-за двери парень выудил крашеную блондинку средней комплекции в короткой футболке, миниюбке и чулках с резинками. На левом плече – небольшая накладка в виде ба-

бочки. Любят они наколки на разных поцелуйных местах. Непременно нечто крылатое: бабочка или птичка. Роста она была как Р-7, и в принципе, если глотнуть стакан, даже чем-то её напоминала. Она смотрела на меня стандартные полсекунды и сразу как-то внутренне расслабилась. Видимо, успокоилась за свой рот. Опасений на эту тему я у неё не вызвал.

– Да нормально! – я протянул сутенёру деньги. – Бонус беру минутами! Приезжайте через час двадцать!

* * *

Ночью мне опять приснился мёртвый литовец. Обычно он снится мне на вторую или третью ночь после хорошей пьянки. Если пил два дня – литовец приходит на вторую ночь. Если три – то на третью. Больше трёх дней я пить не могу: организм отторгает алкоголь и вообще всё, что пытается в него проникнуть тем или иным способом. Через три дня возлияний смотреть в зеркало становится просто стыдно. Проблемой оказывается дойти не то что до ларька с пивом – до туалета. И тогда понимаешь, что в жизни одному есть реальный минус: чуть что случись – и, как говорится – воды подать некому. Поэтому алкоголем после второго развода я не злоупотребляю, а, значит, и литовца вижу редко. Сегодня он пришёл без похмельного синдрома, но темы нашего разговора это не изменило. Вообще сложно изменить тему беседы с человеком, которого ты давно убил. Поэтому и литовец ничего нового мне не сказал.

– Ну что? Искал счастья, да снова мимо? То это тебе

не так, то – то. То толстая, то тупая, то уши большие, то семечки лузгает, то Куросаву твою глядела, да вдруг храпанула. А та президента не любит! На тебя не угодишь! Не задумывался, почему сто тысяч женщин – полные дуры, а вокруг них летает этакий супермозг! Орёл, сука, нашёлся! Все дураки – один ты умный! А мобыть наоборот? Тогда всё зараз сходится!

– Есть такое выражение, дед: почему все дуры такие бабы? Вроде – ерунда, а как задумаешься – и верно! С другой стороны – чё ты лезешь куда не просят? По ночам подслушиваешь! Может ты извращенец? – отвечаю я ему. – Настроение и без тебя – не очень. Чё припёрся? Я не пью с Пасхи, а ты припёрся! Соскучился? Поцелуй мои нижние уста?

– Ты три дня назад пиво сосал! Алкашом жил, алкашом подохнешь! Даже могу сказать – где и когда! Хочешь?

Его борода затряслась, но смеха я не услышал. Убиенные не смеются. Они только обозначают, что им в данный момент было бы смешно, будь они живы.

– Три дня назад я выпил одну бутылку «Клинского». Это вообще не повод для твоего визита! И свои прогнозы оставь при себе. Я их уже сто раз слышал. То я утону, то повешусь, то замёрзну, то меня эки на зоне зарежут. Я уже все твои сроки пережил, так что прогнозам твоим цена – как прогнозам погоды. Пальцем в небо!

– Ну да, ошибся пару раз. Но согласись: каждый раз было близко! В том, что ты не помер – моей вины нет никакой.

Видать, кто-то ещё на тебя прогнозы делает. Судя по всему – баба какая-то. Никак – кандидатша твоя нерасчёсанная. Ты всё на баб время тратишь, а она индийских богов изучает! Уже триста зазубрила, ещё три тысячи осталось. Хочет, небось, чтоб ты ей дитё заделал. Потому-то ты тогда на Подлысане не замёрз и в Каче не потонул. И прокурор дело закрыл на тебя, охломона, когда ты карточку с голыми титьками той дуры замужней на всеобщее обозрение выставил. Только оба вы со своей кандидатшей – идиоты! Она думает, что индийские боги есть, а ты думаешь, что загробной жизни нет. Дураки оба!

– Ага, – отвечаю я ему полусонно, потому что даже во сне спать хочу, а этот гад всё болтает и болтает, – и повеситься как-то не получилось, и на зону не отправили, хотя два раза к прокурору таскали, и из-под машины успел выпрыгнуть. Было дело. Теперь всё? Иди, дай поспать!

– Ты кроме меня ещё жену мою убил! Двух коз с козлёночком голодом уморил! И курей! Тебе за это мучаться и на этом свете, и на том. Так и знай!

– А ты моего дядьку зарезал! На меня своего пса натравил! Так что помолчал бы уж, праведник!

– Я его за дело зарезал, а ты мою жену просто так голодом уморил!

– Ну, всё! Ты меня достал! Да будь моя воля – всех бы вас до пятого колена этапом на Сахалин отправил! – рывкнул я на него и проснулся.

За окном стояла темень. В щель окна проникал шорох дождя. Я включил телевизор и глянул на часы. Четыре утра. Понятно: час быка минул, петух прокукарекал, нечисть сгинула. А ты тут лежи как дурак и вспоминай всё, что накопилось за годы неправедной жизни.

* * *

В маршрут по Малому Караголю я пошёл один. Ходить одному в маршруты геологам вообще-то запрещено. Но не категорически. В книге по технике безопасности перечисляются вещи, которые геологам во время полевых работ делать запрещено либо не рекомендуется: ставить палатку в затопляемую пойму реки, ставить палатку около сухих деревьев, переходить реку вброд босиком, стрелять на звук, подходить к вертолёту и коню сзади, трахать мозг медведю с апреля по июль, хватать гадюк за хвост с криком «Ни фига себе червяк!», ходить в маршруты в одиночку и т. д. Книга эта довольно толстая, написана, что называется, кровью, и геологи вечерами у костра любят приводить примеры нарушения этих правил и тут же последовавшей расплаты. Но жизнь в рамки не загонишь, поэтому то, что запрещено – делают почти все. А вот то, что запрещено категорически, делают тоже почти все, но реже.

Мой напарник заболел. Простыл, что неудивительно. Стоял октябрь. Ночами доходило до минус десяти. Ноги в резиновых сапогах постоянно мёрзли, да и иммунитет у народа к концу сезона снижается из-за недостатка витаминов. Бла-

го – не Таймыр, до цинги дело не дошло. Но гвоздика и виноград в Сибири не растут, а черемша и дикий лук – продукт сезонный.

Нам оставалось сделать последний маршрут по самому дальнему ручью, взять полсотни донных проб и сделать радиометрию. Но Иваныч поднялся среди ночи и, стуча зубами, начал шарить в своём огромном рюкзаке. Я высунулся из спальника и включил фонарик. Вылазить ночью из спальника жуть как неохота. Дрова в печке прогорели, и через пять минут температура воздуха внутри палатки сравнялась с той, что снаружи. А снаружи температура такая, что лужи глубиной пять сантиметров промерзают к утру до дна. Поэтому телодвижения Иваныча сразу меня насторожили, тем более, что ещё днём он жаловался на ломоту в суставах и слабость.

– Температура попёрла. Аспирин ищу. Один день до победы не дожил! – посетовал напарник, проглотил две таблетки, запил водой из носика закопченного чайника, стоявшего на углу печки, и снова залез в спальник.

Когда в семь утра мы вылезли из палаток завтракать, одного взгляда на Иваныча стало достаточно, чтобы понять: в маршрут я иду один. Он сделал было попытку собраться, но пошатнулся, сел на нары, вытер пот со лба и озадаченно прошептал:

– Ни хера себе мне вставило!

А поскольку под конец сезона в нашем отряде остались

только мы с Иванычем и повар, то выбор помощников у меня был не богатый. Поэтому радиометр я решил не брать: барахла за спиной и без того хватало. Взял упаковку мешочков для донки, этикетки, карабин, рюкзак с обедом, полевую сумку, и отправился в глухомань.

Когда по тайге идёшь не просто так, а с работой, то и усталость почти не замечаешь, и время летит быстро. К обеду я добрался до нужного ручья и свернул с большого русла в маленькое. Вокруг громоздились Саянские горы, и русло, по которому я шёл, вскоре стало напоминать миниканьон шириной метров пятьдесят с почти отвесными стенами. Километра через полтора правый борт ручейка резко перестал быть отвесным, и я вышел на огромную поляну, со всех сторон окружённую горами. В принципе, я давеча разглядывал карту-двухсотку и знал, что за маршрут мне сегодня предстоит, но такие контрасты надо видеть вживую: глядя на бумажку, представить реальные Саянские горы сложно.

Место мне показалось – самое пообедать. Прямо какой-то оазис среди скал. Или, по-сибирски – урочище. Но только я шагнул на райскую землю и скинул рюкзак, как на меня с опушки кинулось нечто такое, что вначале показалось мне медведем. Со злобным рычанием на меня через поляну неслось что-то огромное, чёрное и очень быстрое. Я стоял лицом на юг, и низкое октябрьское солнце светило мне прямо в глаза, мешая навести фокус. Я сдёрнул с плеча карабин, передёрнул затвор, загоняя патрон в патронник, и под-

нял ствол. Зубастая пасть в этот момент хрипела уже метрах в двадцати. С такого расстояния промазать было невозможно. Ведь две последние зимы мы с мужиками пару раз в неделю ходили в наш геологический тир, где отстреливали по полсотни тозовочных патронов за вечер из положений стоя – с колена – лёжа под руководством посечённого шрамами пенсионера с кучей орденских планок на стареньком пиджаке (После его ласкового: «РебятУшки, тренировочка окончена, все молодцы, стволики ставим в сейфик, гильзочки за собой прибираем!» – хотелось встать во фрунт, крикнуть «Ур-ра!» и прослезиться.), поэтому рябчиков и кедровок себе на обед в маршрутах я бил метров с восьмидесяти без проблем.

Зверь не просто бежал – он летел на меня во все четыре лопатки. «Хорошо что носик у пули спилил!» – мелькнуло в мозгу. Я прижал приклад к плечу поплотнее, совместил мушку с прорезью на планке, навёл на пасть, взял чуток ниже и выстрелил. На всю долину раскатились хлёткий, словно щёлк кнута, винтовочный выстрел и предсмертный собачий визг. Огромный лохматый пёс пролетел по инерции ещё метров пять, пока не упал и не забился в конвульсиях, дико хрипя и визжа. Я не успел ни испугаться, ни что-то обдумать, а просто передёрнул затвор и замер, ожидая продолжения. Как говорится, я сначала выстрелил, а уже потом вздрогнул. «Вторая пуля острая. Будет шить, а не ломать» – констатировало подсознание. Продолжение последовало незамедли-

тельно: с опушки на меня бежал высоченный мужик с косой в руках. Первой моей мыслью было: что он делает в тайге с косой осенью? Под ногами в тени и днём-то похрустывал лёд. Вся трава давно легла. Что тут можно косить? Людей?

Добежав до собаки, мужик остановился. Друг человека к тому моменту уже никаких звуков не издавал, но глаза его оставались открыты и направлены на меня, кончики лап ещё подёргивались, а огромные зубы торчали в мою сторону в последнем оскале. Пёс словно ещё видел меня в перекрестие своего прицела. Словно ещё бежал на своего непрошенного гостя, желая вцепиться ему в горло. Он не сдался даже после смерти! Я продолжал стоять с карабином наизготовку, хотя стрелять, естественно, не собирался. Мужик оказался не мужиком, а дедом в кепке, заросшим бородой по самые глаза, в драном ватном костюме и коротких резиновых сапогах. Лет ему на вид было под сто. Он был худ до последней степени. Но, судя по тому, с какой прытью он перебежал поляну, – здоровья в нём было ещё на троих. Он стоял, словно смерть от Ингмара Бергмана, подняв косу и переводя взгляд с собаки на меня и обратно. И тут мне стало абсолютно ясно, что он сейчас кинется, и второго выстрела не избежать. В его взгляде было столько злобы к людям в целом и ко мне конкретно, что просто так повернуться и уйти он не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.